

У истоков Руси

Владислав Бахре́вский

Ярополк

У истоков Руси

Владислав Бахревский

Ярополк

«ВЕЧЕ»

2011

Бахревский В. А.

Ярополк / В. А. Бахревский — «ВЕЧЕ», 2011 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7562-7

Великий киевский князь Ярополк – выходец из рода Рюриковичей. Он сын князя Святослава, известного успешными походами, и внук княгини Ольги, которая славится своей мудростью. Ярополк стремится оказаться достойным своих предков, но если сравняться с отцом в доблести он вполне может, то быть мудрым – пока нет. Мудрость молодости не свойственна. Возможно, это его и погубит... Роман «Ярополк» известного современного писателя-историка В. Бахревского по достоинству оценен читателями за прекрасно воссозданную атмосферу Древней Руси и историческую точность.

ISBN 978-5-4484-7562-7

© Бахревский В. А., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Детство Баяна	6
Пролог	6
Семейное сокровище	7
Спрятанные слезы	9
Чудесный плащ Благомира	11
Три испытания	15
Сила слова	20
Диво огня	24
Белый жеребенок	26
Сердце богатыря	31
Хождение за вешим словом	33
Рыбари	35
Медовый сбор	38
Погост княгини Ольги	43
У косарей	45
Княгиня Ольга и внуки	49
Услада и любовь	52
Святослав и Ольга	56
На аркане	58
Гибель Хазарии	60
Псалмопевец и каган	60
Слуги кагана	63
Тайное крещение	64
И посыпались искры из глаз	67
Урок князя Святослава	70
Сны на кулаке	73
В ярме	76
Авадон	78
Молитва великой княгини	80
Поход на стругах	82
Вещий дед Боровик	85
Бег по реке	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владислав Анатольевич Бахревский

Ярополк

© Бахревский В.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Детство Баяна

Пролог

Река, переполненная водою, как любовью, несла весеннюю дань солнцу. Травы, еще не забывшие гнет сугробов, тянулись неистово. Вишневые рощи в оврагах вскипали благоуханным половодьем.

Одолевший за ночь всех супротивников, соловей гремел победной трелью. Да и смолк вдруг, озадаченный хрустальным, с искорками, голосом, будто пустили солнечного зайчика. Зайчик этот, совсем зайчишка, кинулся не в чащобу, а сразу в небеса, стремясь достигнуть самого солнца. Волхвы переглянулись.

– Се голос отрока.

– Не отроковицы ли?

– Отрока, – сказал Благомир. – Да вот он!

На кургане, подняв руки к солнцу, стоял тоненький, будто стебелек, мальчик. Пел, ликуя, ибо пришла пора ликовать: весна.

– Он – наш! – сказал Благомир и поправил на челе золотой обруч верховного волхва.

Семейное сокровище

На зеленом долу зеленая гора, на горе боры, на борах на кудрявых небо опочило. От края до края ни единой хмари – морщинки, ни единого пятнышка – птицы коршуна. Под ярым солнцем трава парная, тропа горячая, ласковая. По лугам – ужом, на гору – стрелой, перед бором – запинаячись. Да и нет ее! Заглохла.

Повернулся отрок к матушке. У матушки глаза добрые, смелые.

– Тропа хранит от зверя да уводит от сокровенного. Дальше пойдем по нехоженому.

Поклонилась бору, и сынок поклонился. Расступились перед ними деревья, будто дверь отворилась. Под узорчатым пологом – безмолвие. Ни единый лист не шусукнется, не шелохнется, трава как на страже стоит. Деревья друг за друга хоронятся, а сами – глядят! Кто пришел?

Зашумели вершины, давай мести небо. Великий гул поднялся, затрубили боры, будто тур с туром грудь в грудь сошлись. Заметалось сердечко у дитяти, потянулся рукой к материнской юбке.

– Страшно, что ли? – улыбнулась матушка.

Опустил глаза.

– Это не буря, сынок. Радуетса батюшка-лес нашему приходу.

Заплела косицу на ракитовом кусте. Погладила сына по кудряшкам.

– Ложись под ракиту. Послушай, что бор сказывает. Погляжу пойду.

Делать нечего, лег.

– Закрой глаза, – попросила матушка. – Слушай.

И был шум с одного края земли до другого края. Был посвист крыльев, уж таких крыльев, каких нет у птиц, разве что у туч грозowych. Рокотали рокоты, будто струны гуслей, и слышал он речи, ладные, мудрые, льющиеся потоком, кто говорит, где – не понятно. Ни единого слова не мог различить.

У детской обиды слезы близехонько, но вдруг пал вихрь с неба на землю, ударил дерево о дерево, и почудилось – зовут:

– Бааа-ян! Бааа-ян!

– Мама! – вскрикнул отрок. – Кто меня кличет?

Вскочил на ноги – уж такая в бору тишина: крот в норе повернулся, а его слышно. Матушка рядом, к дубу щекой припала.

Кинулся к родной:

– Кто кликал-то меня?

– Судьба.

Незнакомое слово хлестнуло по сердцу, как пруттик. Поостерегся спросить, что оно такое – судьба.

Ухватила матушка сына за руку, повела в дебри дремучие. Торопится, а руки не отпускает. Выбрались к свету, к ручью, а тут – гарь. Лес сожгли для будущего поля, но пожарища уж и не видно. Поросла гарь кипреем.

– Смотри, сынок! – шепнула матушка.

Вошла, как в пламя, в заросли кипрея.

Медленно-медленно поднялись над розовыми цветами белые руки, еще медленнее сошлись. Как в светильнике, затрепетал в материнских ладонях розовый огонек.

– Иди сюда! – услышал он и в тот же миг увидел лису.

Опершись передними лапами о дерево, лиса тянула мордочку, подглядывала.

– Матушка! – прошептал Баян.

– Я вижу, сынок. Звери всегда приходят посмотреть.

– А что это?

– Душа кипрея.

– Тебе не горячо?!

– Ласково. Хочешь поддержать?

Огонь и впрямь не жег. Трепетал, как бабочка крыльями.

– Матушка, а кипрей-то увядает! – увидел Баян. – Можно, я верну ему душу?

– Верни.

– Я не дотянусь.

– Сам преклонится пред тобою.

Пчелы облепили цветок, будто он источал особый зовущий нектар.

Получилось.

И в тот же миг сверкнула молния, треснул над головою гром, посыпался крупный окатный жемчуг из жемчужной, неведомо откуда взявшейся тучки.

Они шли домой, а за ними, прячась среди деревьев, бежала рыжая лиса.

– Матушка, а что можно сделать с душою цветка?

– Не знаю. Бабушка научила меня брать душу, а что с нею делать – обещала открыть, когда я вырасту... Говаривала: тайны нашей семьи сокровенные, за семью замками, за семью дверями.

– Бабушку убила стрела Перуна?

– Молния, сынок. В нашем роду старые люди сгорают живыми.

Спрятанные слезы

Возвращались из дубравы лугами, обходя старицы¹.

Ложились в голубые потоки колокольчиков, слушали дивные звоны цветов. Не всякое ухо уловит, как звенят, еще меньше люди понимают – о чем.

Пробирались под зонтиками пряных цветущих кубышек, по траве-мураве, по влажному, по медовому золоту куриной слепоты выходили опять же к старицам.

Глядели на изумрудные косы водорослей, дышали чистым, как снег, теплым, как солнце, запахом белых лилий.

Лягушки дремали в разогретой воде. Наслаждались молчанием. Лишь изредка в сладостном забытии вскурлыкивала иная по оплошке, но тишины не нарушала.

Беззвучные темно-синие с темно-синими крыльями стрекозы летали над сочно-зелеными листьями аира. Прятались, как за деревьями, среди камышинок утята. Притворялась корягой выпь.

В небе плавал орел, и так было хорошо в напоенной светом, в родной степи, как бывает после зимы и долгого разлива.

– Матушка, почему ты не поешь? – спросил отрок.

Слезы так и покатались из материнских глаз.

– Матушка! Матушка! – испугался Баян.

– Да ты хоть помнишь, как зовут меня?!

Опустилась на землю, плакала горько, будто сама ребенок.

– Матушка! – бегал вокруг Баян, не понимая, что стряслось, и не умея помочь.

Бросился на землю рядом, гладил мать по мокрой щеке, заглядывал в глаза.

– Ты – Власта! Власта!

Мать стянула с головы платок, вытерла лицо.

– А как батюшку твоего звали? Какой ты земли, какого рода-племени?

– Мой батюшка Знич. Мы из рода Зничей. Земля моя – древлянская, а племя наше – славных людей.

Обняла матушка сына, обмерла на краткое мгновение.

– Сладость ты моя горькая! Забирают тебя, сынок. У доброго человека будешь жить, ума набираться. Три года не велено мне тебя видеть. Три года впереди, три злых судьбины.

– Матушка! Ни к кому я не пойду. Хочешь, я в дубаве спрячусь, в кипрее?

Засмеялась Власта:

– Милый ты мой! Прости глупые слезы. Нам нужно радоваться, а не плакать. Тебя берет в науку великий жрец Сварога. Сам Благомир!

Вскочила на ноги, легкая, быстрая. Взяла Баяна за руки, закружила и, кружась, бежала по лугу. И он летел над землею, и полыхало в глазах синим, алым, белым.

Оба рухнули в траву. Она хохотала, показывая на колючих великанов в алых шапках.

– Чуть-чуть не забежали! Какие будяки! Вот уж было бы нам! Запомни, сынок. Этот колючий красавец – дивный лекарь. Заболят глаза – насуши корзиночек от цветов, отвари и промывай. Ясными будут. Отвар пить можно, от кашля, от чирьев. – И спохватилась: – Пошли покажу тебе хоть пару добрых трав. Вот, смотри! Воробьиное просо. Листья к ожогам прикладывают. Баянушка, а ведь это – царь-травы. Как стрелы небесные, осеняемые громом, гонят в преисподнюю темную злую силу, так и царь-травы. Листочки нарывы лечат. Главное, запомни: сия травка – спасение от укуса змей, от ядовитых пауков, от всей прочей гадости. – Засмеялась. – Лысым утешение. Хорошо полечить – волосы отрастут.

¹ Старицы – то есть староречье, полностью или частично отделившиеся от реки участки ее прежнего русла.

Замолчала, окидывая растерянным взглядом цветущие луга.

– Сколько здесь добрых сильных травок... Ничего, сынок. Вернешься через три года – обучу всему. Царь-траву запомнил?

– Запомнил, матушка!

– А про цветочные корзинки чертополоха?

– Какого чертополоха?

– Колючего. Будяка.

– Запомнил. Глаза лечит, чирьи. Воробьиное просо от ожогов.

– Молодец! Ты будешь добрым учеником Благомира.

Сердце у Баяна сжалось, прильнул к матери. Она вдруг легко поднялась, понесла его на руках, как малого дитя, песню запела, уж такую дивную песню: полились у Баяна слезы ручьем.

Не заметил, как украдкой матушка собрала несколько его слезинок в кожаный, с наперсток, бурдючок.

А сама пела, пела, будто заклинала:
Куличок-ходочок ходил за море,
А за морем жизнь диво дивное.
Чудо чудное, а уж вежливое.
У жар-птицы пир, птицы Фенюшки,
Да скучлив сидит добрый молодец,
Заскучал кулик по родной земле,
Ай по матушке да муравушке.
И пошел он прочь из чужих краев.
По горам идет, как по облаку.
Ему в ноги дол, он и по долу,
Он и по морю, будто посуху.

– Матушка, поставь меня! – попросил отрок.

Захлебнулась Власта воздухом, отняла сына от самой себя. Поставила на землю.

– Матушка, я не слышал такой песни.

– Впервой напелось.

– Откуда же слова-то взялись?

Засмеялась Власта, развела руки, показывая сыну весь белый свет, и опять задохнулась воздухом.

– Вот уж и домой пришли.

Зеленые ветлы, толпившиеся над рекой, скрывали от недобрых взглядов селение.

Власта положила руки на плечи Баяна, повернула лицом к степи, к борам на горе, к огромному небу.

– Смотри! Вот она – твоя земля. Люби и помни. Нет крепче крепости. – Повернула сына к себе: – Никогда не лги матери и учителю. Никогда не говори правды врагу.

Чудесный плащ Благомира

Власта и Баян подходили к тыну, когда из ворот выехала дюжина всадников. Двое направили коней к идущим по тропинке. Один всадник был в белых одеждах, с белой бородой, другой одет воином.

– Здравствуй, Власта! – приветствовал старец женщину. – Жди сына через три года в день Купалы.

Воин наклонился с седла, поднял Баяна, посадил перед собой.

– Я ему на дорогу одежонку приготовила, еду! – птицей захлопотала Власта.

– Все у него будет, одежда и еда. Не тужи, женщина. С тобою бог! – Всадники тронули лошадей, и Баян не смог даже послать матушке прощального взгляда: заслоняла расшитая бляхами кожаная рубашка ратника.

Скакали к реке. Руки у воина были словно железные. Сидел Баян как в тисках. Воин ни слова не сказал.

У реки всадники остановились, ожидая Благомира.

Старец подъехал последним. Отстегнул плащ. Кинул на воду. По плащу, как по мосту, переехали на другой берег реки. Один из воинов спешил, принес плащ. Баян видел: плащ мокрый. Его водрузили на пику, сушили на ветру.

В седле – как в зыбке. Долгая скачка укачала отрока, заснул. Пробудился от того, что кони встали, кто-то взял его на руки, понес...

Сладко пахло сеном, трубили тритоны... Баяну было хорошо, но хотелось заплакать, и когда по щеке покатилась непрошенная гостья, пришла Власта, склонилась, улыбнулась.

– Мама, ну сядь же ты ко мне! – попросил Баян и открыл глаза: на него смотрело солнце. Он лежал на круглой копешке сена. Под головой седло, покрыт ласковой лисьей шубой. Сполз на землю.

Тишина. Безлюдье. Поляна в дубраве. Огромный терем с острой, много больше самого терема крышей, с крутогрудыми коньками с двух сторон. В стене дюжина бойниц, длинных, узких.

Баян забежал за угол дома, облегчился. Здесь стена была глухая.

Пошел вокруг терема – ворота. Приоткрыты.

Вошел. Конюшня! Лошадьми пахнет. Солнце било во все двенадцать бойниц, прямо в глаза, пришлось зажмуриться.

Но это и впрямь была конюшня. Справа и слева от ворот – стойла. Кони – как снег. Шесть и шесть. Белый конь – конь бога и сам бог. Баян упал ниц.

Кони смотрели на него, и он, набравшись смелости, подошел ближе. У третьего от стены на лбу была едва приметная розовая звездочка. Баян сделал к нему шаг, и конь склонил голову, словно позволяя погладить себя. Баян, переполненный тоской по матушке, подбежал, прижался щекою к шелковой шее, гладил, перебирал кольца серебряной гривы. Конь дышал тепло, а нос у него был холодный. Ткнулся в плечо, пощекотал ключицу.

Баян зачерпнул ладонями овса из яслей, поднес коню, и тот подношение принял. Желая быть справедливым, отрок обошел всех коней, подавая им овес из рук.

Кони были сыты, но только один из двенадцати не принял простецкого дара.

Видеть столько священных коней – диво дивное! Сердце у Баяна стучало радостно, но и тревожно. Почему никого нет? Он вышел из конюшни, перебежал поляну.

За деревьями, на другой поляне, стояли избы, но людей не было. В ноги легла ему веселая тропинка, побежал.

Тропинка привела к озеру. К синему пятнышку среди зеленого леса. Подошел ближе – мурашки на спине вскочили. Не озеро – провал. У самого берега глубина страшная.

Свет пронзал толщу воды, дно мерцало, как драгоценный камень, но уж из такой пропасти!

Баян сел на берегу. Засмотрелся на это дивное мерцание.

– Куличок-ходочок ходил за море, – спел он тихонечко матушкину песенку. – А за морем жизнь – диво дивное...

И еще раз спел. И вдруг увидел зверька. Зверек смотрел на него из травы. Золотистый, гибкий.

– Ласка! – догадался Баян.

Зверек не уходил, словно ждал песенки. Он спел ему, что пришло на ум:

Белый конь из ладоней моих
пригубил серебро овса,
Дивная тайна на дне,
водой прозрачной прикрыта.
И пришел теперь ты,
именем – ласка, повадкою – хищник.
Что ты хочешь узнать от меня,
отданного в ученье?
Зверек припал к земле, исчез.

Только теперь Баян увидел: на другом берегу у воды сидит Благомир, смотрит на воду.

Баян вскочил. Поклонился. И тоже посмотрел на воду.

Жрец улыбнулся.

– Это я хотел увидеть то неведомое, что открылось твоим глазам. Пошли, Баян. Солнце зовет на обед.

В большой избе от стены до стены – стол. У стены сидели старцы, спиной к двери мужи во цвете лет, в конце стола четверо отроков.

– Будь среди нас меньшей, а большим тебя дедушка Род да лета поставят, – сказал Благомир, усаживая Баяна на край скамьи.

А место уж так мало – никак не прилепишься.

– Принесите пенек! – приказал Благомир.

Пенек поставили у стены. И сел Баян против жреца.

Пропели благодарение Сварогу, поставили еду Роду² и сами взялись за хлеб да ложки.

Деревянные глубокие блюда приходились одно на четверых. Для отроков стало теперь на пятерых. Трем ученикам было лет по двенадцати, а сидевшему на краю, может, и девяти еще не исполнилось, да все равно старше. Баяну неделю назад, на семилетье, подарила матушка расшитую васильками рубашку. По вороту васильки, по рукавам, подолу.

До блюда было далековато, потянулся Баян в свой черед – не достал. Старший из отроков улыбнулся, подвинул блюдо.

«Что жрецы-то едят?» – подумалось Баяну.

Крапивные щи! Такие же, как матушка вчера сварила. Вкусные.

– Яйцо вылавливай! – шепнул Баяну сосед.

Раз черпнул – не далось. И другой раз не далось.

– К краю прижимай! – посоветовал доброхот.

Попалось.

² Род – в славяно-русской мифологии бог – родоначальник жизни, дух предков, покровитель семьи и дома. Сварог – бог неба, небесного огня, отец Дажбога и Сварожича – бога земного огня.

Щи выхлебали. Принесли каждому кружку квасу да по два пирога. Один с мясом, другой медовый.

Поели, восславили Сварога и Рода: Баян хотел с ребятами пойти, но один из воинов повел его за собою через рошу. Вышли в луга. Воин показал на стог, на лестницу.

– Забирайся наверх. Поспи. Потом погуляй. Как солнце над лесом станет, приходи ужинать.

К ребятам хотелось, но что поделаешь.

На стогу высоко! Солнышко близко. Речку видно под косогором, дали, потонувшие в лучах. Лег Баян, раскинув ноги и руки.

– Весь я твой, Сварог, внук дедушки Рода.

Может, и не надо было так-то говорить: солнце в облако ушло. Облако – кудрявый баран. Идет по небу потихонечку, а за ним ярочки, уж такие светлые – смотреть больно.

«Небо-то все равно что лужок», – подумал Баян.

Пригляделся. Так оно и есть – лужок. Травы синие, шелковые. Овцы траву щиплют, по всему лужку разбрелись.

«Уж не звезды ли это?»

Призадумался, но не додумал загадку: по небу летел плащ Благомира.

Баян глаза протер: не облако – плащ, тот самый, по которому речку переехали. Летит сам по себе. Дивное дело!

Вдруг то ли рокот дальнего грома, то ли бревна сложенные раскатили? А вроде бы и гусли? Да и впрямь гусли. И гуслияр вот он! Борода по земле течет, как туман. Сам белая гора. Поет славу. Князю ли с княгиней, прашурам, а может, сеятелю да хлебушку – не разобрать ни единого слова.

Рокоты не рокочут уже – громыхают, со струн молнии спархивают.

Видит Баян, старец серебряного края гуслей не касается. Одряхла рука, не достает звончатых струнечек.

Вот и дернул сам за серебряные. Струночки-то легонькие, шелковые. Пошли по ним переливы, перегуды, а последняя струна уж так звенит, как душа щемит.

Не на ту ли жаль прилетели, встали на небе перед другом две птицы. Лики у них девичьи, на головах кокошники, узоры окатым жемчугом выложены. Крылья огромные, как знамена, цветом то ли до синевы черны, то ли дочерна сини. Одна птица поет – избы горят, по лесам, по вершинам огонь валом валит, с бора на бор перемetyвается. Другая поет – вода из рек, из озер столбами ходит. Хороши песенки! И, не ведая, что ему делать, как земле помочь, самому спастись – запел Баян птицам наперекор. Голосочек все равно что паутинка средь небес, но опал огонь, осела вода. Не стало птиц.

Старец поклонился вдруг отроку, подает гусли.

– Теперь тебе петь, мои песни кончились.

А гусли до небес, колки за облаками.

– Не удержу! – испугался Баян.

– Русь – не трусь! – улыбнулся старик.

Взял Баян гусли и – проснулся.

Орел парит, в лесу иволга надрывается, предупреждает.

Съехал Баян со стога, о лестнице забыв, о землю стукнулся. И пятки больно, и пить хочется, а солнце еще высоко. Пошел к реке.

Поле прямехонько в небо упирается, а потом плавно вниз. Река что-то уж очень далеко, змейкой.

А Баяну весело, ноги бежать просятся. Побежал, да все скорей, скорей! Ветер рубаху рвет, в грудь упирается, будто не пускает. Хохочет Баян, пуще летит – да и стал на самом краю пропасти. Дедушка Род длань на плечо ему положил.

Утес, как белая стена. Дорога внизу. По дороге телега пылит. Лошадь с муравья. Отступил Баян от края на шаг, на другой. Ноги подгибаются, как у теленка новорожденного.

Хотел сесть, не сел. Хотел обратно бежать, не побежал.

На утесы смотреть страшно, а не смотреть – стыдно. Чего теперь трусить? Худшее миновало.

Поднял глаза – Каменный конь. Белый как снег. Голова да грудь из горы выступили. Подошел ближе к краю – копыто увидел. Тоже гору пробило. Копыто над жертвенником. Святилище.

Может, и смотреть на это нельзя? Пошел скорее наверх, к стогу.

Постоял возле лестницы. Куда себя девать? Поглядел на рощу. Побежал к деревьям, как к родне. Залез на клен. Сел в ветвях, как птица, затаился. Посидел, посидел, сорвал листик, черенок пососал. И заплакал, рта не разжимая, чтоб даже дереву не выдать пережитого страха.

Пришел Баян на ужин вовремя. Смотрит, над его пеньком, на стене – плащ Благомира висит. Слетал куда надо было и вернулся.

Три испытания

После трапезы Баяна окружили жрецы. Сначала везли в телеге, потом вели через лес, поваленный буреломом. Вышли на поляну. Ни избы, ни хлева, один колодец с журавлем.

– Много ли страха в тебе, отрок? – спросили жрецы.

– Не ведаю, – пролепетал Баян, холодея.

– Не расти, как трава, расти, как человек. Измерь – немереное, неведомое – изведай.

На Баяна надели шубу, шапку, а то, что ноги босы, – не посмотрели. Подвели к бадье:

– Садись.

Кое-как втиснулся, в тот же миг без напутствия, без единого слова бадью стали опускать в черную пропасть колодца.

Зажмурился Баян, затаил дыхание. Да как не дышать, когда бадья все ниже, ниже – не скоро стукнулась о воду. Стукнувшись, качнулась туда-сюда, того гляди, черпнет и потонет. Не потонула. Закружилась. Смотрит Баян вокруг себя, но такая тьма, будто глаза закрыты. Вверх поглядеть ну никак нельзя – шапка упадет. Да что шапка, бадья опрокинется. Опустил Баян руку вниз – вода на две ладони от края. Тихохонько нужно сидеть.

Вспомнил страшный, наполовину мертвый, погубленный вихрем лес. Вспомнил поляну с колодцем посреди: мурашки на спине закопошились.

«А чего мне про поляну-то думать! – подсказал сам себе Баян. – Буду матушку вспоминать».

Но встала перед глазами иная картина. Единственная в памяти, где был отец. От матушки знал: отец-кормщик на стругах. Кормщика провожай да жди. Всего и осталось: подкинул батюшка его уж так высоко, что душа в пятки ушла, а хорошо несказанно. Прижал отец головку его к виску своему, а там что-то стучит, бьется, теплое, ласковое... Вот и все. Пять лет минуло – нет как нет. Может, парус ветры разодрали? Разнесли в щепу весла крутые волны, выела соленая вода днище у струга? Может, батюшка давно уж среди мертвых, среди тьмы и сам тьма? Холодно ногам стало. Как лдышки.

«А спою-ка я песенку тьме-тьмущей, может, перестанет меня пугать?» – подумал Баян.

Запел одними губами, без голоса:

– Тьма ты тьма, сама себе князь!

Тьма ты тьма, никем не рожденная.

Ни матушки у тебя, ни батюшки,

Ни брата, ни сестры.

Обними меня, будь мне названной родней. Ведь и я здесь один, без батюшки, без матушки, ни брата у меня, ни сестры. Говорят о тебе, темушка, несусветное. Ночь-то, говорят, темна, лошадь-то, говорят, черна, еду, еду, говорят, да пощупаю, тут ли лошадь-то? И другое говорят о тебе, уважаячи. Махнула-де птица крылом, белый свет покрыла одним пером. То перышко шелковое. Ты погладь меня, а я засну. Твоего покоя ради буду крепко спать. Твоих тайн слухом слухменым мне да не улавливать, глазами глядячими не выглядывать, быстрым умом не выведывать.

Стянул шапку с головы. Осторожно, не качнув бадьи, пропихнул вниз, на ноги надел. Голову воротом прикрыл. Потеплело.

О ребятах вдруг вспомнил. Тоже ведь небось сидели в колодце.

Вспомнил, как у матушки под бочком ласково, вспомнил, как ходили в лес, в кипрей...

А тропинка луговая – вот она! Побегал матушку догонять. Долом, бором, вышел накопец к гари, заросшей кипреем, а уж темно, ночь. Глаз поколи. Тут вспомнил он заветное, сло-

жил ладони, как матушка складывала, снял огонек с цветка. И уж так светло стало – увидел матушку.

– Вот для чего сия тайна! – сказал он Власте, подавая огонь ей в ладонях. – Возьми! Возьми!

– Чего взять-то? – спрашивали жрецы, улыбаясь.

Проснулся, ладони в горсть сложены.

– Вылезай! – сказали ему. – Ишь, ловкий, как в гнезде устроился. Знаешь теперь, какой он, батюшка-страх?

– Не знаю, – признался Баян. – Я просил у тьмы послать мне скорый сон.

Переглянулись жрецы, но ничего не сказали. Привезли в свою рощу, дали суму с зерном.

– Ступай птиц покорми до обеда.

– Так ведь лето, – сказал Баян.

На него посмотрели со строгостью.

Делать нечего, пошел кормить сытых.

Добрел до хрустального озера, сел на берегу, насыпал зерна себе на плечи. Может, сядет какая птичка, другом станет?

Птицы на зерно не позарились, но опять явилась ласка. Глазки блестят, уж такая любопытная.

Смотрит Баян то на ласку, то на драгоценный кристалл на дне озера. Совсем забыл о колодце, о суме с зерном. То об отце подумает, то вспомнит матушку. А потом заслонил все думы старец-гусляр. Загудели в ушах, зазвенели дивные стройные звоны. Так бы и запел, да знать бы о чем.

Прибежал отрок, учивший, как яйцо выловить из блюда. Крикнул, близко не подходя:

– Обедать!

Тотчас и скрылся.

Взял Баян суму, залез на дуб, края сумы развернул, поставил между сучьями: берите, кто голоден.

На обед были молочная тюрка да пшенная каша с молоком, да блины со сметаной.

Уж так накормили, вздохнуть тяжело. Отвели жрецы Баяна в амбар с зерном. Показали на солому в углу.

– Поспи. Да хорошенько. Ночью тебе в сторожах стоять.

У Баяна от сытости глаза без уговоров сами собой слипались. Заснул, не донесши голову до снопа.

Снились Баяну огромное поле и жатва. Жнецов множество, а жнива не убывает. Поют жнецы, но не может Баян слов разобрать. Поискал серп, чтоб помочь работе, – не нашел, хотел подпеть, но без слов не пение будет – мычание.

– Где гусли мои?! – закричал Баян в сердцах и проснулся.

Над ним стоял Благомир.

– Пора!

Поднялся Баян, глаза протер. Темно. До вечера проспал.

Через темную поляну повел Благомир отрока не к жилью, а туда, где еще темнее – к лесу.

«В ночное ведет лошадей сторожить!» – обрадовался Баян.

Но Благомир остановился перед дубравой.

Жрец был в плаще, а плащ-то – крылья.

– Смотри не испугайся! – предупредил Благомир.

Взял отрока под мышки, и воздух так и ударил в лицо, в глаза.

«Летим!» – ужаснулся Баян, а все уже кончилось. Они стояли на вершине дерева. Под ногами твердо, гладко.

– Будешь стоять до рассвета, до последней звезды. Как погаснет – тут и работе твоей конец.

– А кого я стеречь должен? – осмелился спросить Баян.

– Звезды.

– Звезды?!

– Нехитрое дело. Ярочки послушные. Сделают свой круг по небесным лугам – и на покой.

– А как же мне их пасти? – засомневался Баян.

– Смотри да примечай, какая какой дорогой по небу хаживает. Не забудь посчитать, сколько ярочек за ночь сверзится. Да поможет тебе дедушка Род.

Благомир положил руку на плечо отрока, постоял еще немножко и пошел по кудрявым, по темным вершинам деревьев, будто это была твердая дорога.

Повернулся, поманил:

– Если одному боязно, догоняй.

– Я постою, – ответил Баян.

– А ты шагни, шагни!

– Нет, я постою.

Засмеялся Благомир, ушел, пропал среди темени, а смех еще долго был слышен.

Остался Баян один со звездами. Пощупал ногой место своего дозора – ступни в три туда и сюда. Повернуться можно, можно и посидеть.

Звезды помаргивали, разглядывая своего пастушка. Иные, чтоб не заскучал, огнями переливались. Млечный Путь искрил. Может, и под конскими копытами. А кто по той дороге скачет ночь напролет, с земли не видно. Уж очень высоко.

Постоял, постоял Баян – ноги не чужие. Изловчился, сел. Дух перевел. Сидя на звезды удобнее смотреть... Они и впрямь как овечки: стояли здесь, а уже вон где!

Про звезды Баян спрашивал матушку. Говорила, что все горячие, горящие – души славных богатырей да воинов. Млечный Путь – волосы из бороды Сварога. Ребята иное про Млечный Путь сказывали. Коровы-де заплутали, забрели на небо, подоить их было некому, вот и нароняли молока.

Вдруг снова хохот. Вздрыгнул Баян, но тотчас и сообразил – филин тешится.

Спохватился: не упала ли где ярочка небесная? Нет, не падают. Хорошая пастьба, покойная. На земле тоже покойно.

Примостил руки за спиной, закинул голову, удобнее стало на небо смотреть.

– О Сварог! – вырвалось само собою.

Звезды клубились, как пена. Какие это ярочки? Океан-море! С волнами, со струями.

И вдруг подумал: если коровы-то на небо, заплутав, забрели, может, и батюшка, плывя ночью по морю, наехал на небо? Плывет теперь в струе среди пучин звездных?!

Стал искать батюшкин струг. И обьяло душу красотой. Не стало тьмы. Светят звезды, еще как светят! Слова сами собой посыпались, будто зерна из поспевшего колоса:

– Сорок сороков, а по сорок сороков еще сорок! Полно ты, небо, звездами, как лукошко ягодами. Съел я лукошко ягод – наедаюсь досыта, а на звезды глядеть голода не ubyло. Их сорок сороков, а по сорок сороков еще сорок! Прости, Сварог, – голоден выхожу из-за твоего стола, буду ждать весь день застолья нового.

Такой словесный хоровод потянулся – ни конца ему, ни края. Поглядел на Большой Звездный Ковш, а небо его уж опрокинуло. Тьма выплеснулась, небеса пеплом подернулись, выпекается в золе пирог дивный, несказанный.

Когда пришли жрецы, Баян стоял, как тростиночка, и, подняв руку, прощался с последней, с самой радостной, с утренней звездой.

– Сколько звезд упало? – спросили пастушка.

– Ни единой.

– Может, ты проспал?

– Ни единой! – гордо повторил Баян.

Его отвели спать в чулан, а после обеда посадили на бережку ручья, дали удочки, наказав ловить рыбу на голый крючок. Дело было пустое, но Баян исполнил повеление. Смотрел на бегущую воду, на песчинки на дне, не глядел только на поплавок. А рыбка возьми да поймайся.

На ночь Баяна положили в конюшне, но не там, где стояли белые священные кони. Это была обычная конюшня, и лошади здесь были обычные, гнedyе, буланы, саврасые. Баян, прежде чем лечь, погладил каждую лошадку, словечко доброе сказал. Спалось ему сладко, но выспаться не дали, подняли до зари.

Дали белую неношеную рубашку, такие же порты. Поглядели – впору ли. Вывели в луга. Здесь стояла могучая лошадь, запряженная в плуг. Плуг горел, как солнце.

«Уж не золотой ли?» – изумился Баян.

– Сей плуг – золотой! – сказал Благомир. – Сокровище и завет пращуров наших. Вспаши, отрок, борозду. Начнешь, как только край солнца покажется, кончишь, когда последняя капля в землю просочится. Вот тебе каравай хлеба, соль, луковица да горшок молока.

– А для лошади? – спросил Баян.

Жрец улыбнулся:

– Для лошади в поле стоит торба овса да бочонок воды.

Посмотрел Баян на золотой плуг, испугался.

– Мне сил не хватит, чтоб в землю его погрузить.

– Плуг острей меча... Какая выйдет пахота, таков ты сам, такова судьба твоя.

Жрецы подняли плуг, вонзили в землю, показали Баяну, как надо с ним управляться.

За сохой Баян ходил на своем поле. Дедушке помогал. Но плуг, да еще золотой, – видел впервые. И ведь не поле надо было взрезать, а матерую землю, не ведавшую орудий землепашцев.

Велес³ ли был милостив, дедушка ли Род пособил, но плуг – чудо из чудес – земельку резал без натуги. Да и лошадь была – Микуле Селяниновичу впору на такой пахать.

Баян, однако, не жадничал. Десяток сажень прошел, остановил буланого. Конь еще и не разогрелся, но растратить силы можно скорехонько. Налегать же на плуг, держать его в руках – не на звезды смотреть. Глазницы потом залило.

Конь на частые остановки сначала фыркал, но потом, отдыхая, благодарно обнюхал своего пахаря. Не торопились, а ушли далеко.

В полдень Баян накормил коня, напоил и сам хлебца отщипнул да молочка похлебал.

Склонилось солнце, только до захода еще пахать и пахать, а конь уж спотыкается. Надрал Баян клеверу охапку, отдал коню хлеб, отдал ему соль, молоком попотчевал. Сам подкрепился луковицей. Горько, а все ведь пища.

Изнемогал Баян, налегая на плуг, уходила земля из-под ног могучего коня, копыта проскальзывали, немочь прогибалась спину, опали сытые бока.

Солнце уже, как ягода малина. Низехонько. А сколько надо напахать, чего ради – неведомо. Дал Баян еще одну передышку изнемогшему коню. Сам навалился на плужок, сил нет пот отереть с глаз.

Смотрит, еще один пахарь орет, небесный. Был тот пахарь облаком, и конь его был облако, и плуг. Орали они саму, знать, Вселенную.

Поднял небесный пахарь длань, приставил к очам, поглядел на отрока нахмурясь.

– Гей! – крикнул Баян коню. – Гей! Поднатужимся. Солнце уже земли коснулось.

³ Велес (Волос) — «скотий бог» в славяно-русской мифологии. Микула Селянинович – богатырь-пахарь, герой русских былин «Вольга и Микула Селянинович», «Святогор и Микула Селянинович».

И пошел конь, пошел, засвистела трава разорванная, захрустели корни, будто кости, задышал пласт перевернутый.

– Гей! Гей! Коняшка! Скоком скачи да на солнце, гляди, не наехай!

И тянули, тянули борозду до последней искры на краю земли.

А как погасла, так и стали.

Упасть на траву и то мочи нет. Дышит конь боками, а с боков – пена.

На борозду Баян даже не поглядел. Не повернул головы, трудом утомленный.

Тут и жрецы пожаловали. Подивились Баяновой борозде. За край небес увел.

– Потемнела твоя белая рубаха, – сказал Благомир отроку. – То тебе не упрек – душа белее стала. Ныне открылось нам: ты, Баян, внук Велеса. Велесовым премудростям будешь учиться.

Спал в ту ночь Баян вместе с ребятами. Но даже словечком с ними не перекинулся. Лег – и заснул. Нароботался.

Сила слова

Утром отроков посадили за ступы, толочь сушеные ягоды.

Жрецы все были на давилъне, выжимали сок из трав, цветов, грибов. Готовилось снадобье для браги Сварога, поить жертвенного коня, жрецов и самого бога.

– Ах ты, бражка, бражка божья! – весело пели ребята, постукивая пестами, и Баян, подхватывая слова, подпевал им:

Мы готовим тебя, бражка,
Чтоб в бочонках ты бродила,
Чтобы дух в носок шибал.

– Чтобы дух в носок шибал! – веселился Баян, переглядываясь с ребятами. Стало слышно – жрецы тоже поют. Ребята примолкли, запоминая песню:

Не грохым-грохым, не миганьцем,
Быстрой мыслию, кряжной мышцею
Ты взыграй, взъярись, бражка пенная!
Ты столкни с земли и с небес спихни
Супротивников бога белого, света светлого!
Будь врагам его мутным омутом,
А дружине его – озарением.

В наступившей тишине скрипел жернов, мерно стучали огромные песты об огромные ступы. Были еще какие-то звуки: жрецы, наверное, хороводы водили, притопывая. Пение иное пошло:

Будь же ты густее меда, браженька,
Сокровенных соков будь забористей.
Пусть поющий, выпив кружку, – не шатается,
Но получит дар священный – голос вещего.
Пусть медовым духом дышит,
Хмель же пусть язык распустит,
Пусть горчат слова полынью,
Заплетаются пусть ноги,
Даже речь бессвязной станет —
Лишь бы совесть не плутала,
Не согнуло б ложью правду,
Не состарилась душа бы,
Но младенцем оставалась.

Работали весь день, не обедая. Спать легли без ужина. И этак три дня.

Баян наконец узнал, как зовут ребят, чему обучаются. Трое старших – Любим, Лучезар, Любомысл – работали в кузнице, знали с огнем, железо ковали. Погодок, ласковый сосед по столу, именем Горазд, привыкал к золотому делу, к тайнописи.

– А меня куда приставят? – спросил ребят Баян.

– Коли ты внук Велеса, к священным коням, – сказал Любим.

– К жертвеннику! – возразил Любомысл.

– Не гадайте, – осадил товарищей Любим. – Что скажет Благомир, тому и быть.

Пока брага бродила в дубовых бочках, набирая силу, ребята жили беспечно. Им позволили ходить на реку, в лес по грибы, в луга за сладкой клубникой.

«Почему матушке нельзя здесь жить?» – вздыхал про себя Баян.

Однажды утром собрались ребята в Вишневый лог.

Тот лог длиною в двадцать верст, и все двадцать верст – вишневая роща.

– Хорошее у тебя лукошко, – сказал Благомир Баяну. – Не мало, не велико, для нашего дела впору. Вы, ребята, ступайте, а у нас с тобою, Баян, будет иной сбор.

Ребята поклонились верховному жрецу, побежали с горы вниз, в пойму, а Баян пошел, куда повели, в дубраву. Посмотрел Благомир на огорченное личико, улыбнулся:

– Скажи мне, сколько слов говоришь ты за день?

Баян покраснел.

– Не знаю.

– Никто того не знает, – успокоил отрока велимудрый жрец. – Но много или мало?

Баян призадумался.

– Вслух – не много, а про себя много!

– Про себя много! – порадовался ответу старец. – А как ты думаешь, велика ли сила слова?

Баян нахмурился.

– Если складно говорить – велика.

Глаза Благомира стали вдруг колючими.

– Да в чем же сила складных слов? О каких словах баешь, о прибаутках, что ли?

Отрок потупил голову.

– Ты говори, говори, мне лепо тебя слушать! – ободрил Благомир.

– Не знаю я ничего, – сдерживая слезы, пролепетал Баян.

Жрец не торопил, но ответа ждал.

– Когда праздники бывают... Одни запоят, а другие в пляс...

Благомир просиял.

– Знать не знаешь, а догадка твоя многого стоит. – И вдруг охнул: – Волк!

Баян кинулся к старцу, прижался.

Благомир обнял мальчонку, приласкал.

– Напугал я тебя. Ты уж помилуй меня. Видишь – слово пострашнее волка. А можно ведь иначе сказать: волк! Не страшно?

– Не страшно.

– А хотелось взять дубину и бежать бить серого?

– Хотелось.

– Вот и запомни: слово может все.

– Все? – повторил Баян, но от жреца не укрылось сомнение и вопрос в голосе.

Они шли все дальше и дальше, лес стоял тесно, было сумрачно.

– Смотри! – показал жрец на дерево.

– Сова, – прошептал Баян.

– Филин.

Глаза у Благомира расширились, сказал он что-то непонятное, свистящим шепотом, но филин рухнул с дерева, как мешок, и только уж на земле забился, побежал, топорща крылья, налетая на кусты, спотыкаясь о коренья.

– Вот оно слово-то, – сказал жрец. – Не только человек, но птица и зверь ему послушны.

Они вышли к каменной гряде. Благомир протиснулся в узкую щель. Пещера! Чернее, чем в колодце. Жрец взял отрока за руку и по ступеням вел куда-то вниз. Наконец земля под ногами стала ровная.

Жрец высек огонь, запалил факел. Сводов пещеры не видно.

– Я покажу тебе силу слова, – сказал Благомир и погасил факел.

Грянула такая тьма – глаз поколи. Первые слова заклинания жрец сказал шепотом, может, в них-то и таился ключ могущества. Слова росли, голос крепчал. Своды гудели – кружило эхо. Уже Благомир умолк, а слова, не находя неба, бились о стены и не могли угаснуть. Вдруг жрец закричал пронзительно, словно ударил копьём:

– Алаатырь!

В то же мгновение с противоположной стены посыпались с грохотом камня, и узкий луч света пронзил тьму пещеры.

Благомир положил руку на плечо отрока.

– Вот оно слово! Сильнее меча и тарана. Видишь?

– Вижу, – прошептал Баян.

Они поднялись по ступеням вверх, вышли на свет.

– О пещере никому не рассказывай. – Благомир был бледен, бисер пота покрывал его виски и лоб.

Сел на камень. Посмотрел на Баяна, а у того в глазах уж такой восторг, что даже дрожит весь.

– Садись, – сказал Благомир. – Камни теплые... Я много чего знаю. Одно от учителя моего перенял, другое от людей, а есть, и не мало, что сам нашел в словесном море-океане.

Помолчал, трогая осторожно цветок колокольчика.

– Ишь какой! Кому-то и он звенит.

Сердце у Баяна стучало, и чуткий жрец слышал, как оно стучит.

– Ищу я ныне заветное слово... Много бед у народа нашего впереди. Быть ему в великой славе, но и бедствия ожидают его сокрушительные. Все переживет, перетерпит... На то они и волхвы, чтоб знать да беречь. Вот и хочу поставить сокровенное слово на небесах. Будет как стена. – Улыбнулся. – Помогай старику слова собирать.

– А как?! – вырвалось у Баяна.

Благомир показал на осу, ползавшую по камню:

– Поймай!

Баян изловчился, накрыл осу да и вскрикнул, затряс ужаленной рукой. Благомир засмеялся. Притянул мальчонку к себе, подул на его ладошку, пошептал, поплевал на стороны: боль прошла.

– Вот тебе урок. Поищи слова, чтоб отваживали ос от избы, от человека, от дупел с медом.

– А где же их искать? – испугался Баян.

– Повсюду... Лукошко у тебя пусто?

– Пусто.

– Вот как будет полнехонько отборными словами, так все само собой и получится, слово к слову прилепится.

На обратной дороге Благомир пел немудреные заговоры:

– По полям, по долам, по зеленым лугам да по желтым пескам, по быстрым рекам ходил я, волхв именем Благомир, ходил, глядел, слова собирал. Как желты пески пересыпаются, реки быстрые переливаются, как с зеленой травы росы скатываются, так и с меня, с волхва, с Благомира, страх мой скатился бы. С буйной головы, с ретивого сердца, с ясных очей, с кровяных печеней и со всего тела белого.

Поманил Баяна подойти, положил руку на плечо.

– Складно пою?

– Складно.

– Спрашивай, коли чего спросить хочется.

– Про что заговор?

– От испуга.

– Неужто ты, волхв Благомир, чего боишься?

– Кому много открыто, у того страхов великое множество, – вздохнул старец. – Предчувствия томят... Ты слушай да учись ладу в словах.

И опять запел:

– Выйду я, волхв Благомир, во чистое поле, стану лицом ко дню, хребтом к ночи. Акиры и Оры и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, народы и роды да не думают зла и лиха, а видят меня, волхва Благомира – да сердцами-то возвеселятся, возрадуются. Как не поворотить колесницу небесную, пресветлую, вспять, так и слова моего не поворотить. Во веки веков.

И опять подозвал Баяна:

– Чтоб с пустым лукошком не являться, собирай грибы... Смотри, боровички какие стоят!

Баян рад, что дело ему указали. Собирает крепыши, да все невеликие попадают, плоховато лукошко полнится.

– Погляди-ка в тех молоденьких дубках, – показал Благомир. – Там место влажное, а землю поутру парило.

Кинулся Баян в дубки, а там – чудо! Стоит гриб – сам в аршин и шапка в аршин.

– Ох ты! Ох ты! – закричал Баян, призывая Благомира.

Волхв подошел, посмотрел, удивился:

– Таких молодцов я, пожалуй, не видывал. Твое счастье.

Нес Баян гриб на плече.

Всяк пришел на этот боровик поглядеть. А ребята, черногубые от вишни, еще и позавидовали товарищу:

– Ты хоть мал, да удал. Тебе сам царь грибов дался!

Баян не смотрел в глаза товарищам: показаны ему были дивные чудеса, а рассказать про то нельзя. Заповедано.

Диво огня

Баяна определили в подпаски. В стаде было сорок коров. Пастухов двое. Один пастух учил подпаска играть на гусях, другой на рожке. Рожок – берестяной ремень, вырезанный из ровнехонького молодого дерева. Захотелось поиграть, коров взбодрить, зверей пугнуть – свил бересту в дудочку, уставил гудок, полую палочку из бузины, с прорезью: дуй – загудит. Но чтобы играть, гласы выводить – без ученья, без премудростей не обойдешься.

В пойме пригляд за коровами невелик. Разве что овода в солнцепек досадят. Тогда стадо перегоняли к воде, в тень ивняка. Полудничать.

Коров в это время доили, а пастухи обедали, вздремывали. Баян же получал полную волю. Уходил от людей подальше, садился возле осиных норок, пел, что в голову придет:

– Ой вы, осы язвящие! Вы не жгите меня, меня жжет огонь и крапива жжет! Не ходите в мою избу, в дымную, ходите в свою, в золотую да в медовую, заждались вас детки-куклешечки, они криком кричат, медку хотят.

Осы, любопытствуя, вились возле отрока, на голову ему садились. Не жалили, но и прочь не летели от неумелых заклинаний.

Однажды пастух-гусяр укололся о сухую траву. Заругался:

– Ох ты, закручень трава, осиная страсть! Спалил бы тебя, да ос тревожить не хочу.

Баян присмотрелся к травке, а слова уже тут как тут:

– Беру, беру закручень-траву! Беру в бору закручень-траву! На зеленом лугу сожгу, сожгу. Разбегайся, разлетайся, осиный народ.

Но осиному народу не было дела до мальчишских прибауток.

Пришло ненастье, Баян простудился, и ему было велено пойти со старшими ребятами в кузню, возле огня погреться.

Ворота в кузне – настежь, а жарко. Огонь в огромной печи трубит, как лось. А кузнецы знай подкидывают в ярый зев пни да плахи. Потом взялись мехами пламя раздувать, запели, огню угождая:

Как царь багрян, рода дивного,
Как солнце яр, как жизнь пригож,
Как коровье молоко, белехонек.
А норовом зверь, пожиратель дубов.
Размечи, огонь, золотые свои власы.
Загуди, затруби рыжей бурей.
Порезвись, как дитя неразумное,
А натешившись, послужи ты нам, тебя кормящим.
Кто носит дрова, в поту, в дыму, от сажи чернехонек.
Кто служит тебе от зари до зари и ночь напролет.
Распусти своих птиц, раскидай головни,
Не дай никому повязать себя!
А нам послужи, ковалям-кузнецам,
Песнопевцам служи, златословию,
Будь доступен нам да еще певцам,
Как родитель доступен детушкам.

Подошли кузнецы к печи, поклонились огню, за дело взялись. Чего-то несут, чего-то оттаскивают.

Расступились вдруг от печи, первый кузнец грохнул по печи молотом, и из жерла – солнце полилось. Такая ярь – потемнело в глазах у Баяна.

Оттеснили его в сторону.

Пока проморгался, молотки по наковальне пошли постукивать. Искры сыплются, как звезды. А кузнецы с двух сторон – хват да хват. Зазвенело в ушах. Присмотрелся Баян – меч куют кузнецы.

Подошел Любим, лицо черное, а зубы блестят.

– Жарко у нас?

– Жарко.

– Хорош огонь?

– Диво.

– Пошли подышим, дождик кончился.

Сели под навесом, на дрова.

– Что это? – спросил Баян, показывая на пепельный шар на стропилах.

– Осиное гнездо. Ты не бойся! Если сам к ним не сунешься, они не трогают.

– А что внутри домика?

– Соты. Осиная матка. Видел пчелиные маточки?

– Не видел.

– С палец бывают. Мой отец – бортник.

В ту ночь снился Баяну яропламенный меч.

На Любима, Лучезара, Любомысла смотрел он с той поры как на чародеев.

Про выпеченное в печи солнце пробовал на гусях рассказывать, но красота живого огня была краше, в рожок трубил о своем восторге, но не смел словами волхвовать. Знал: нет у него слов, достойных дива, подрасти нужно. На смирение осы не мог верного слова сыскать.

Белый жеребенок

Вдруг жизнь переменялась. Жрецы день-деньской пели славословия Жертвенному коню. Все мальчики оказались дивноголосыми, а у Баяна горлышко было птичье, серебро позлащенное.

- Нас всех сюда за голос взяли, – сказал Баяну Горазд.
- Я не пел Благомиру.
- Другие волхвы тебя, знать, слышали. Сварог любит чистоголосых.

В день праздника тихое место святилища наполнилось народом. Люди приходили селениями, занимали места на склоне горы перед Белым Каменным конем.

Кое-где в склоне были пробиты ступени, а внизу так даже каменные сиденья для особо почетных гостей.

Восславить Сварога приехал молодой князь Святослав⁴ со старшим сыном Ярополком. Святославу было двадцать лет, а Ярополку – шесть.

Правительница, княгиня Ольга, крестившаяся в Царьграде⁵, – идолов и волхвов не жаловала, называла бесами. Не бывала она здесь вот уже десять лет.

С князем приехало сорок гридней⁶. У каждого меч, лук, копье. Но все без доспехов, даже без щитов. Рубахи на всех праздничные, конями на груди расшиты.

Святослав в плечах матерый, станом юноша, одет, как все, только шапка на нем белая как снег и опушена белым, горностаевой. Князь снял с седла Ярополка, поставил на землю и, весело улыбаясь, поманил к себе Баяна с Гораздом.

- Ребята, вот вам друг! Покажите-ка ему тайны ваши сокровенные. Побегайте всласть!
- Отроки поклонились князю и княжичу, а с места сдвинуться не смели.

Святослав подтолкнул сына к отрокам, но Ярополк уперся, стал красным. Мгновение затянулось, и Баян, страдая, тоже запунцовел. Пустился бежать. Горазд кинулся за ним, за Гораздом княжич.

Остановились у конюшни, где держали священных коней. Ворота были заперты.

Посмотрели друг на друга.

- Батюшка привел в дар белую кобылу с жеребенком, – выдал секрет Ярополк.
- А твоему отцу подарят меч. Я сам к ножнам серебряных коньков приваривал, – похвастал Горазд. – Гривы да копыта золотые, и зубы золотые, и языки.

Княжич, как и его отец, был в круглой атласной шапке, опушенной белым горностаем. Кафтанчик тоже белый, с серебряными пуговицами. Рубашка уж такая белая, аж сияет, по вороту жемчугом шита.

- Мы бы тебя в кузню повели, – сказал Горазд, – да в таком белом кафтане туда нельзя.
 - Я в кузне у себя на дворе был, – сказал княжич.
 - Хочешь, на озеро пойдем? – предложил Баян. – Уж такое глубокое! А на дне свет.
 - На озеро – нельзя! – Ярополк аж ногой топнул. – Меня к воде не пускают без гридней.
 - Горазд! Горазд! – послышались торопливые оклики.
 - Я тут! – откликнулся отрок.
 - Тебя в златокузню зовут! – крикнул запыхавшийся Любим.
- Баян и княжич остались одни.

⁴ *Святослав I* (?—972) – князь Киевский, сын князя Игоря. До 969 г. при нем правила княгиня Ольга, поскольку жизнь его проходила в походах. В 964 и 966 гг. ходил на вятичей, в 965 г. разгромил Хазарское царство, воевал с волжско-камскими булгарами, на Северном Кавказе разбил ясов и касогов. В 968 и 971 гг. совершил походы в Болгарию, в 971 г. воевал с Византией. Погиб в бою с печенегами.

⁵ *Ольга* (?—969) – княгиня, жена киевского князя Игоря. Около 957 г. приняла христианство.

⁶ *Гридни* – в Древней Руси княжеские дружинники, телохранители князя, жили в дворцовых помещениях – гридницах.

– Хочешь, я тебе такую покажу тайну, какой даже волхв Благомир не видывал? – спросил Баян.

– Покажи.

– А в лес тебе можно?

– Если не больно далеко.

– А мы не далеко. Видишь, кипрей растет?

Побежали. Остановились перед цветами, обступившими молодые дубки. Баян осмотрелся, не следит ли кто. Приказал княжичу:

– Замри!

И снял с цветка язычок розового пламени.

– Хочешь поддержать?

Княжич молча протянул ладони.

Баян бережно передал огонек. Ярополк смотрел то на чудо, то на удивительного отрока.

– Давай!

Баян забрал душу кипрея, вернул тотчас воспрянувшему цветку.

– Ты, княжич, про это никому не говори!

– И бабушке нельзя?

– Ни единому человеку.

– Не скажу.

– Поклянись.

– Клянусь белым конем Сварога.

Баян перевел дух.

– Ты волхвом будешь? – спросил Ярополк.

– Не знаю. Меня учат на гусях играть да слова искать.

– Слова?

– Не простые. Заветные.

– А-а! – сказал княжич и посмотрел на отрока с завистью.

– А ты князем будешь? – спросил Баян.

– Буду, если не убьют.

– Кто?! – изумился Баян.

– Злые люди. На князей охотятся, как на красного зверя. – Ярополк смерил отрока взглядом с ног до головы. – Если будет божье изволение на княжеский стол мне сесть, я тебя к себе возьму.

– А зачем?

– Я буду княжить, а ты будешь советы давать. Тебе сколько лет?

– Восьмой год пошел.

– А мне шесть, ты почти на два года меня умнее.

– Иные старые, да глупей молодых.

– Нет! – решительно взмахнул рукой княжич. – Моя бабушка на сорок лет старше моего батюшки и на сорок лет мудрее... Ты об этом тоже никому не говори. Ни единому человеку.

– Дать клятву?

– Не надо. Ты знай да молчи.

– Ладно, – согласился Баян.

Вдруг разом затрубили туры рога, призывая народ и волхвов прийти и поклониться Сварогу и Роду.

– Бежим! – Баян взял княжича за руку, и они помчались к Белому Каменному коню.

Ярополка забрали гридни, а Баяна увели с собой волхвы одеваться в священное платье.

Под гуды рогов жрецы, в пурпурных мантиях, в пурпурных чеботах, с пурпурными повязками на головах, спустились с горы к жертвеннику, а другие стали на вершине, над конем.

Рога смолкли. В наступившем безмолвии, будто вытолкнув золотую песчинку, пробился из недр земли родник. Родник журчит тихонько, и голос тоже сначала оробел от своей одиночества.

– Свет денницы явился Белому коню! И окунул он морду в ясли и ел свет дней, как зерна пшеницы, Колыбель света – море Востока.

– Дивно! – ободрил Благомир Баяна.

Отрок набрал воздуха перед вторым стихом, и теперь его голос, трепеща, полетел золотым солнечным зайчиком к солнцу:

– Свет звезд ночных явился тебе, скачущий по временам, как сеновал, что позади тебя. Колыбель ночи – в Западном море. Почуяв себя конем, ты помчал на себе богов. Почуяв себя жеребцом – ты понес на себе небо и прашуров наших. Почуяв себя лошадыю – ты позволил людям положить на себя седло. Море – твоя колыбель, небо – твой отец, твоя мощь, земля – твоя мать, твоя опора.

Волхвы, стоявшие на горе, опустили огромное пурпурное полотнище, покрыв скалу до земли.

Будто во чреве земли пробудились вещие голоса. Низко, величаво зарокотал хор волхвов:

– Заря – голова жертвенного коня, солнце – его глаз, ветер – его дыхание, его раскрытая пасть – огонь. Год – тело жертвенного коня, времена года – его сердце, дни и ночи – его ноги, небо – его спина, земля – его брюхо, страны света – его бока, облака – его жвачка, реки – его жилы, печень и легкие – горы, леса и травы – его грива и хвост. Когда он оскалит пасть – сверкает молния, когда он дрожит – грохочет гром, когда он испускает мочу – льется дождь, когда он ржет – мы пробуждаемся к жизни.

Жрецы на вершине горы расступились. Раздался нарастающий топот, нутро земли загудело. По вершине горы мчался белый, сияющий на солнце конь.

Край скалы все ближе, ближе, и все яростнее скок! И было видно снизу – подковы золотые.

Баян узнал: это был конь, который ласкался к нему.

Тоненький крик взметнулся в небеса, но было поздно. В то же мгновение конь прыгнул в небо. Грива на нем стала дыбом, хвост потянулся, как перистое облачко. Дивный скакун не закувыркался в воздухе, он летел, может, и не ведая, сколь жестоко примет его тяжелая земля.

Гора скрыла падение. Удара тоже не слышали. Запел хор. Медноголосие волхвов посеребрили альты отроков, и алмазными просверками вспыхивали дисканты Баяна и Горазда. Звуки удесятерились скалами, и людям чудилось – поют земля и небо:

– В жертву жертве жертвой воздали Сварог и Род по обряду первых жертводающих. И стала жертва владычить над Сварогом и Родом и дивно расплодилась.

В это время по долине погнали табуны коней, стада коров, овец и коз бесчисленно.

– Любо! – крикнул князь Святослав.

– Любо! Любо! – подхватил народ, радуясь обилию скота.

Волхвы выждали и снова запели:

– Как Сварог и Род свершали жертву пред единым богом, перед жившими прежде них, бессмертные бессмертным с бессмертной мыслью, так и мы да будем жить на вышнем небе, да вострепещут наши сердца на восходе солнца.

К жертвеннику подвели золотого коня, Баян такого и не видел. Коня закололи. Текла кровь по желобу вокруг жертвенника, запылал огонь.

Благомир с верховными жрецами осмотрел внутренности коня, и только потом расчлененную конскую тушу отдали пламени.

– Скажи нам, волхв, что ожидает нас? – спросил Святослав Благомира.

Любое слово в священном месте, сказанное даже шепотом, звучало явственно.

Благомир встал перед народом. Волхвы сняли с него пурпурный плащ, облачили в белый. Сняли пурпурные чеботы, надели белые. На голову возложили золотой обруч с двумя вздыбившимися конями.

Благомир поднялся на белый, торчащий, как палец, камень. Воздел к небесам руки. Концы плаща, прикрепленные к запястьям золотыми браслетами, стали как крылья.

– Доля волхва Сварога говорить истину.

– Говори! – крикнул Святослав.

– Впереди, князь, у тебя великие войны и великая слава... Но то впереди. Уже у самого горизонта клубится тьма. Туча закроет небо, а дождь не прольется, ибо в ноздрях моих запах дыма, в ушах – плач плененных, в сердце – боль по резаным.

– Кто враг? Кто?! – закричал Святослав.

– Хазары, хазары! – зашумел народ.

– Хазары, – сказал Благомир.

Святослав вскочил со своего места, взбежал на камень, потеснив Благомира.

– Я клянусь вам, русичи! Сварогом, Родом, жертвенным огнем! Как только княгиня Ольга, моя мудрая мать, отдаст мне узду власти, я пойду на Хазарию. Хазария станет пепелищем.

– Когда ждать хазар-то?! – кричали встревоженные люди.

– Не завтра. Перезимуете с миром, – сказал Благомир.

Вдруг загрохотал камнепад. Может быть, это падали камни с душ: не завтра беда, и ладно.

Пир во славу Сварога, в память Рода и пращуров устроили на лугу возле кургана, мало приметного от древности. Потешить народ вышли отроки-селяне. Рубились деревянными мечами. самого лучшего, победившего всех, князь Святослав взял в свою дружину.

Гусляр-пастух, учивший Баяна игре, спел, славя народ, про оратая:

Оратай-то орет да посвистывает,
У оратого сошка поскрипывает.
У оратого сошка красна дерева,
А омешики серебряные,
А присошечек красна золота...

У княжеского гусляра иные были песни: о битвах пращуров, о седой старине, о временах незапамятных. Пел о море Восточном, о соленом, жить бы там поживать – вода не пришлась по вкусу боевым коням. Пел о дивном Белом царстве, о чародеях-витязях. Не мечами рубились, не копьями сшибали с коней. Разили словом. Слово было мечом, и слово было щитом. Слово вздымало бурю, и слово бурю укрощало. Пел гусляр о могучих князьях, покоривших все земли, все царства. Щеки у Святослава пылали, вздыхал он, обремененный жаждой испытать дедовские походы.

Поднимал князь чашу во славу славных людей. Их кровь в сердце стучит, зовет изведать, что там, за далью-то. Славные люди по земле хаживали, как по избе. Другую чашу пил Святослав за дедушку Рода, в уделе которого не было ни углов, ни межей. Третью – за здоровье дружинуски хороброй.

Благомир шепнул Баяну:

– Смотри и помни. Поднимает князь чаши полные, да не пьет досуха, губы мочит в пене. Се князь – не пропьет ума, не остудит сердца – питьем.

Княжич Ярополк под долгие сказания гусляров, под звоны и рокоты струн прикорнул, положи голову на кулачок. Все проспал.

Подносили князю заговоренный меч, острый, будто жало пчелы. Волхвы, показывая совершенство оружия, рассекли надвое железный шлем, а потом девичью косу.

Святослав отдал волхвов белой кобылицей с белым жеребенком. Да сверх того поднес саадак⁷, полный серебряных гривен.

Провожая, волхвы подали князю ковш священной браги. Но и теперь Святослав не пожадничал, пригубил дивный напиток и отдал дружине, чтоб каждый испил. Ярополк не проснулся. Сладок сон в детстве, неодолим.

⁷ *Саадак*... – в старину так называли лук с налучником и колчан со стрелами.

Сердце богатыря

Белую кобылу с белым жеребенком пустили пастись со стадом коров, чтоб привыкли к новому месту.

Жеребенок скакал, приглашая побегать, но Баян помнил, как сиганул со скалы белый конь. Быть другом коню – счастье, да только верная дружба умысла не терпит.

На радость Баяну, приставили к стаду и Горазда. У Горазда была черная доска и кусок мела. Когда жеребенок подходил к матери, Горазд быстрыми легкими линиями делал рисунок.

– Княгиня Ольга прислала серебряную чашу. Наказала, чтоб на чаше были многие звери, но ежели волки, так чтоб волчицы со щенятами, а ежели кабаны, так кабанихи с поросятами... Мне дают лошадей вырезать.

– Княгиня Ольга с девичьих лет мудрой прозвана, – сказал пастух-гусяр. – Жили – не тужили, да сын-то у нее в совершенные лета входит...

Стадо паслось в ложбинке. Трава здесь была сочная. Коровы на сторону не смотрели. Солнце не жарило, скрывшись за грядой белых кудрявых облаков.

– Побегайте, ребятки! – разрешил пастух детям.

Баян и Горазд тотчас и помчались к дальнему, к высокому кургану. Влететь на вершину духа им хватило, а на вершине повалились. И услышал Баян – стучит! Внутри кургана: тук да тук, тук да тук.

– Ты слышишь? – спросил он товарища. – Стучит!

– Стучит, – согласился Горазд. – Сердце твое стучит.

– В кургане, внутри!

Горазд приложил ухо к земле.

– Нет, это кровь стучит.

– Невера ты, невера! – припал Баян к земле, дыхание затаил: тук-тук-тук.

– Ну и чего? – спросил Горазд.

– Стучит! Стучит! А кто в этом кургане?

– Богатырь. Волхвы говорят: приходил на нашу землю с несметным войском персидский царь Дарий⁸. Богатырь как выехал из-за края-то земли! Конь головой облаков касается, а богатырь-то уж за облаками. Бежал Дарий без оглядки.

– А богатырь?

– Богатырь пожил-пожил да помер.

– А может, он еще проснется? – Баян опять прижался к земле.

Горазд рядом лег, согласился:

– Вроде и впрямь стучит.

– Может, раскопать курган-то? – предложил Баян.

Горазд руками на него замахал:

– Нельзя! Богатырь только глубже уйдет... Вечный сон нельзя тревожить. Вот если придут несметные полчища, тогда богатырь сам воспрянет.

– А я не хочу в земле лежать, – сказал Баян. – Когда жизнь моя кончится, я хочу сидеть на высоком кургане, петь славу богатырям да на гусях играть.

– Ты ведь невидимым станешь.

– Пусть невидимым. Кто-нибудь да углядит, услышит... Дали бы мне Сварог с дедушкой Родом такую судьбу. Времена, как барашки, паслись бы вокруг кургана, а я бы пел да пел да гусельками звоны раскатывал.

Потянуло ветром, ковыль у кургана заходил волнами.

⁸ Дарий I – царь государства Ахеменидов в 522–486 гг. до н. э.

– А чего бы ты хотел? – спросил Баян Горазда.

– Я бы хотел такие фигуры резать, чтоб они двигались, как живые. Чтоб человек, вырезанный на чаше, и глядел бы, и сказать бы мог... Но такое и дедушка Род не сделает.

– А зачем тебе, чтоб вырезанные-то говорили? Пусть молчат! А кто посмотрит, тот бы и узнал, что словами не сказано, а сказано – молчаньем.

– Молчаньем?! – удивился Горазд.

Из белого облака посыпался вдруг серебряный дождик, будто овес из переметной сумы. Дождь кропил стадо, а на кургане было сухо.

– Если нас вымочит, все сбудется! – загадал Баян.

– Давай попросим дедушку Рода про себя! – шепнул Горазд, тут его и щелкнуло каплей в лоб.

Вышло солнце, и стало видно: сверкающие нити летят не из облака – со светила.

Отроки пустились в пляс. И Баян далее пятками слышал: стучит! Стучит богатырское сердце.

Хождение за вещим словом

Стадо выгоняют рано. Привык Баян до солнышка подниматься.

Выбежал он из избы, прихватя кнут да кошель с едой, а на крыльце Благомир сидит.

– Кошель пригодится, кнут оставь.

Одет волхв по-дорожному, сума через плечо. Посох в руках.

Пошли ходко, лесом. Баян, чтоб поспевать, поскакивал, попрыгивая. Да ведь и холодно, тень в лесу густая, земля студеная.

Выбрались наконец из лесу, а солнце уж поднялось. Светлынь в лугах несказанная. Трава в росе, как в парче. Ветерки порхают теплые, духмяные.

– Не проголодался? – спросил Благомир. – Потерпи. Видишь, как мокро. Обвеется, тогда и отдохнем, хлеба-соли поедим.

В лесу волхв шагал принахмурившись, а тут руки раскинул, развеселился:

– Ой, простор – поднебесье пресветлое! Посвети ты мне в сердце, прогони тьму с полутьмою! Отвори душу мне, словно оконце, отпусти слова, как птиц, Дажбогу святоярому послужить. Погляди, Дажбог, и ты на внучат своих, на Русь, светоносицу, на народ свой русский, в тебя, Дажбог, прямодушный да светлокудрый.

Поглядел на Баяна, на восторженное личико его.

– Видишь, как легко слова-то с языка порхают на просторе! Никогда себя не сдерживай славу богам петь. – Улыбнулся. – Ты слушать слушай, а как твое-то сердечко встрепенется, всколыхнется – тоже пой! На меня не гляди. Мы теперь как две птицы. Таких птиц нет, чтоб одна пела, а другая помалкивала... Силой слово не гони из себя, а коли полетит, не держи в клетке души, чтоб не разбилось в кровь. Для заветного не жалко крышу снять – лишь бы явилось на белый свет.

Дорог в степи не было. Шли в просторы неведомые, синей дымкой по горизонту сокрытые от зорких поглядов. Благомир сказал, вздохнув:

– Скоро! Страх берет, как скоро понадобится земле нашей милой вешнее слово, а его нет. Где оно? Где? – Волхв вскинул руки к небу, развел по сторонам. – От моего дедушки я слышал о богине Вяч. Она-то и есть слово. Дивная из дивных! Поклониться бы ей, да где она? Ее обитель в лоне океана и на звездах. Она покоится на белых вершинах гор и в этой вот траве. Всякому народу дает она свой язык, всякому зверю свой голос.

Сильный порыв ветра, неожиданный в тишине и покое, поднял над головою волхва серебряную бурю, и стал волхв сам, как буря.

– Это она, Баян! – крикнул Благомир, светясь радостью. – Это великая Вяч! Она тишина, но она и ветер. Она – любовь, но все обиды человеческие тоже от нее, от презирающей всякую душевную нечистоту.

Они шли и шли. И оказались над ложбиной. По дну ложбины журчал ручей.

– Трава высохла, – сказал Благомир, подавая отроку лубяной короб. – Принеси водицы. Хлебушка поедим.

Наклонясь над ручьем, отрок увидел змею. Змея встрепенулась и пропала из глаз. Была – и нет.

– Змея! – крикнул Баян, опасливо глядя на воду. – Она в воде сидела.

– Ручей не весь⁹ выпила? – спросил Благомир. – Чего-нибудь осталось?

– Осталось!

– Ну так черпай.

⁹ Весь – деревня, село.

Волхв успел разложить на траве белый плат, на нем круглый хлеб, яйца, горку лущеных орехов.

Возблагодарил за пищу Сварога, положил на угол плата кусок хлеба и яйцо – Роду и пращурам.

Ложбина уходила в зеленый простор, было видно, как у горизонта она теряет берега, сливается с гладью степи.

– Словно кто борозду пропахал, – сказал Баян.

– Борозда и есть, – сказал волхв.

Баян тотчас вспомнил небесного пахаря, но услышал неожиданное:

– Эту борозду оставил лед.

– Лед?

– В былые времена земля не знала зимы, но Чернобог хотел породниться с Белобогом. Хотел дочь свою, Марену – смерть, за него отдать. Белобог не пожелал такой жены, не взял Марену в свой пресветлый дом. Чернобог обиделся, столкнул гостя в колодец, колодец завалил горой. Черно стало на земле. Холод объял мир. Видишь камень? И там, далеко. Гор нет, а камни откуда-то взялись. Камни эти священные. Они принесены льдами с Рипейских гор.

Баян приложил руку к глазам, чтоб разглядеть Рипейские горы, но волхв улыбнулся:

– Святая гряда – на краю земли, там, где камень Алатырь.

Баян отвел руку от глаз и указывал в степь, не зная, как назвать увиденное.

– Да ведь это сам батюшка тур с семейством! – изумился волхв Благомир.

По другой стороне ложбины шел, лоснясь и светясь золотыми боками, огромный бык. Могущество его было столь неоспоримо на всю эту неоглядную степь, что казалось – небо над ним выше. Бык остановился, чуть поворотил голову на коров и телят, щипавших уж больно сладкую траву. Поворачивая голову, тур увидел людей и коротко рывкнул.

– Сиди спокойно! – услышал Баян быстрый шепот Благомира.

Тур смерил ленивым взором ложбину, отделявшую его от врагов, и отвернулся. Рога на полнеба, могучее тело покойно, а хвост с черной густой кистью так и хлещет по бокам.

Коровы и телята паслись беззаботно, тур стоял, ждал, пока его семейство съест вкусную траву, и пошел наконец, ни разу не оглянувшись. К большой воде повел стадо, на водопой.

– Любимец Дажбога! – с восторгом сказал Благомир. – Дивный зверь. Когда Дажбог родился и погнал лед из стран полуденных в полунощные страны, а льды были высотой до облаков, снега от них оставалось на земле много. Тогда Дажбог и родил туров. Они шли за льдами, поедая снег.

Баян посмотрел на облако.

– Неужто было столько льда? Уж и бело же было!

– Земля сверкала ярче алмаза. – Благомир катнул отроку яичко. – Ешь. Наш путь нынче долог. Белая земля, Баян, для богов, зеленая для людей, ибо она живая. Куда ни посмотри – звери, птицы, пчелы, муравьи, но слова, Баян, у людей.

– Еще осы, – сказал отрок.

– Осы? – удивился волхв.

– Ты сказал про пчел, про муравьев, про ос не помянул. Не придумал я заговор на ос. По-всякому говорил. Не слушают.

– Вещее слово дается тому, кто его ищет. Не отступает. Смотри.

Благомир опустил голову, руки. Все в нем стало расслабленно. Казалось, его колышет, как траву. И тут все суслики, какие только были в степи, выскочили из нор и засвистали друг перед дружкой.

Благомир посмотрел на Баяна, улыбнулся:

– А ведь я им шепнул всего два слова. Но искал я эти два слова всю мою жизнь.

Рыбари

Солнце, пригорюнясь, клонилось к горизонту, когда Благомир и Баян пришли на реку. Поднялись на взгорье, а в распадке, скрытая от глаз, огороженная частоколом – весь. Крыши тростниковые, почти на земле лежат.

Женщины расположились на лугу, вязали огромную сеть.

Благомира узнали, обрадовались. Баяна приласкали. Всей деревней повели гостей в капище, в деревянную избу, где передний угол был выкрашен красной краскою. Рыбари поклонялись Роду и реке. Для Рода большой сноп с колосьями. Для матушки – три корчаги¹⁰ с молоком да круглый высокий камень, а на том кругу, на золотом деревянном ложе, устланном цветами, возлежала огромная золотисто-песчаного цвета живая змея.

Вместе с волхвом и Баяном в капище вошло четверо дев.

Поставили на стол все три корчаги, круглый хлеб, блюдо с печенью налима, блюдо с солеными молоками, с икрой, пук зеленого лука, пук дикого чеснока да низкую корчагу с белыми лилиями. Для глаз.

Девы сняли крышки с корчаг, налили молока Роду, Благомиру, Баяну, нарезали хлеба. Посолили ломти крупной солью. Первый кусок опять Роду.

Молоко холодное, хлеб душистый, соль соленая. Вдруг Баяну померещилось, будто над корчагой мелькнула змеиная головка. Глянул на Благомира, тот пил молоко, одобрительно кивая волхвам.

– Дивная сладость и радость! – сказал он, осушив кружку до дна. – Что было во мне черного, стало от молочка вашего белым.

И тут из корчаг поползли на стол златоголовые ужи. Баян обмер, но Благомир радостно взял одного, посадил себе на правое плечо, другого на левое. Ужи свернулись кольцами, головы подняли, глаза сверкают, язычки трепещут.

Благомир показал Баяну на блюдо с печенью.

– Ешь да чесночком прикусывай. Зело вкусно!

Когда гости насытились, волхвы поклонились Благомиру:

– Дозволь покормить берега матушки-реки?

– Покормите, – позволил жрец Сварога.

Самая юная дева стала посреди избы, а другие волхвы пошли вокруг нее, тихонечко, почти шепотом, припевая:

– На море, на океане ждет тебя, дева-кормилица, бел-горюч камень Алатырь, никем не ведомый. Под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы той конца нет. Накорми кормящая кормящего, да приблизится день и час, и выберет сокрытая сила того, кого ждем во избавители от грядущего плена. Да будет племя славных живым, как пламя, да придет ожидаемый в оный день, в оный час, не раньше, не позже, а когда надобно.

Напевая, девы снимали с волхвы-кормилицы одежды и, снявши все, натирали ей тело снадобьем. Змей воспрянул, сполз с золотого ложа на пол и принялся обвивать деву и обвил, устроив голову на плече. Волхвы принесли три мыши, и одну змей позвал, и мышь пошла и пропала в змеиной утробе.

– Ах! Ах! – говорили волхвы сокрушенно. – Рыбаки большую рыбу не поймают. Не ту мышку съел.

Как в воду глядели. Прибежали в весь дети с реки, сообщили женщинам: рыба сом порвала сеть и ушла в омут.

Матушка-реченька пожаловала рыбарей другой удачей. Малые невода пришли тяжелые.

¹⁰ Корчага – большой глиняный горшок.

Ради великого гостя рыбаки затеяли на берегу реки общую ужицу. Варили в большом котле, чтоб всем хватило, чтоб всяк наелся досыта. Самую вкусную рыбу пекли в золе, завернув в тесто.

Старые и малые пришли к кострам глядеть, как улетают искры в темные, в звездные небеса. Принесли к костру раненого. Рыба сом съездила хвостом беднягу в бок, ребра поломала.

У Благомира пальцы чуткие, все изъязны ущупал. Сломанные косточки поправил, смазал болезненные места снадобьем, наложил липовый луб. Сделав дело, повелел всем умыться, умыться болящего.

Принесли воды с реки, умылись всей весью. Спросил Благомир:

– Кто знает заговор от болезни?

– Лучше Волюшки никого нет! – решили рыбаки, и, к удивлению Баяна, к больному подошла девочка, ровесница.

Опустилась на колени, говорила быстрым шепотком, но слова выговаривала ясно:

– Встану по солнышку, умоюсь росой, утрюсь туманом, пойду за околицу во луга, на восточную сторону. Там стоит-гудит батюшко океан-море. В том море под горячим камнем – рыба белуга, железные зубы, каменные скулы. Как она пожирает морскую тину, так бы пожрала болезнь внука Рода Всеведа. Ключ в море, а замок в небе. Как ключа не нахаживати и замка не открывати, так бы и у внука Рода Всеведа скорбям не отрывивати. Век по веку, отныне и довеку будь мои слова крепки и лепки и назад не отладки.

Больному стало от целебных мазей, от тепла костра много легче, пригубил ужицы.

Хлебали вкусное варево молча, любясь огнем.

Ожидая, когда пироги поспеют, принесли гусельки. Пели о матушке-реке, о волхве-щуке, кому придет в сеть, тот целый год хозяин рыбы.

Вдруг Благомир попросил передать гусельки Баяну. Обдало отрока жаром и холодом, но волхв сказал:

– Спой такую песню, чтоб завтра была рыбакам удача.

– Как же я смею?... – прошептал Баян, но волхв засверкал глазами и ударил посохом оземь:

– Пой!

Заиграл Баян, как в беспамятстве, нестройно взгуднули струны, но самая тоненькая подала верный голосок, сердце защемило, и вот уж зажурчали звоны-вздохи. Пришло время слова, а слово-то неведомое, никем не сказанное. За первым-то второе стоит... Кинулась душа, как искорка, в пучину тайны, запел Баян:

– Ай возьму-ка я ключики да золотые! Отопру моря, отомкну озера, отпущу на волю реки подземные! Зазвеню ключиками, забрякаю, выгоню рыбу из-под тины, из-под камня горячего. Слово мое – ярый огонь. Не пугается пусть рыбонька ни стуканья, ни бульканья, ни луча моего огненного! Пусть бежит на него, как на красное солнышко.

Голос Баяна летел много выше искр. Все умолкло, слушая, даже река не плескала.

Благомир, изумившись стройности, ладу, восторгу, возложил руку на голову отрока. Рыбаки почтили певца первым пирогом.

Укладываясь спать, волхв сказал своему ученику:

– Слово любит тебя, Баян! Радуйся! Да хранит Сварог чистоту твоих помыслов.

Весь поднялась на заре. Рыбаки снова изготовились к охоте на огромного сома. Злодей утащил теленка, сожрал стадо гусей. Никто уже не купался в реке, боясь пагубы.

За омутом поставили новую двойную сеть, все лодки вышли на реку, все женщины стали по берегам. И как только солнце взошло, поднялся великий шум. Всякая трещотка трещала, всякое било било. А уж свист такой стоял – траву срезало. С лодок ухали в воду камни. И сом побежал прочь от неистовых людей. Сеть его не испугала – мало, что ли, разорил всяческого

рыболовецкого снаряда на своем веку, но сеть оказалась хитрой. Не упрячилась, не натягивалась до струнного звона – пускала в себя, опутывала.

Тащили рыбу всей весью.

Когда голова показалась из воды, ужаснулись: с дверь. Такой и быка съест.

Уже на лугу, далеко от берега, собрав силы, заплясал сомище последнюю свою пляску. Летели трава, песок, камни. Да где же рыбе до воды дорваться! Смирился сом. Дал убить себя.

Того Баян уже не увидел. Благомир покинул рыбарей неприметно, когда все они торжествовали победу.

Медовый сбор

Борода волхва летела по ветру. Резкие порывы подгоняли путников. Идти было весело, легко, но Баян с тревогой поглядывал за спину: туча накатывала черная.

Они шли к лесу. Припуститься бы во весь дух, но Благомир, хоть и шагал размашисто, поспешания или беспокойства не выказывал.

Угрожающая чернота растаяла, небо затянуло серым, и из этого серого, нестрашного, хлынул поток. Где восход, где закат? Ни неба, ни земли – один дождь, и больше ничего не осталось.

– Пои землю, Сварожья влага! Наполняя сокровенные жилы токами вод! – весело кричал Благомир сквозь шум ливня.

Они добрались наконец до леса. Деревья черные. Сумрачно, холодно. Баяну хотелось плакать, и он заплакал, слез все равно не видно было.

Лес недолго томил путников безысходностью. Вдруг расступился, и они очутились в деревеньке.

Приютил странников первый же дом. Благомира и мокрого узнали, возрадовались его приходу, как добровестию.

Тотчас затопили печь. Волхву и отроку дали сухое платье, напоили горячим липовым взваром с медом.

Столько меда Баян еще не видывал. Поставили деревянное огромное блюдо с ломтями сотов, полную медом корчагу, благоухающую, как цветущий вишневый лог. Наносили горшков, больших и махоньких, и во всяком был свой особый мед.

Семейство тоже удивило Баяна. Изба без окон, свет давала печь. Полешки горят неровно. Огонь то одно лицо выхватит, то другое. Разглядел трех стариков, трех мужиков, трех баб, все бабы на сносях, трех малых ребят.

– Легко ли живется дедушке-дубу? – спросил Благомир, поклонясь дубовому суку в красном углу.

– Пчелки песенки поют батюшке! – сказал один из стариков радостно.

Глаза у старика были как барвинки. Синие, веселые. И у других двух стариков тоже барвинки. И у мужиков, и у баб, и у ребят.

– Всей бы земле нашей такие семейства! – сказал Благомир, еще раз кланяясь красному углу. – Се – Добромысл, а мужи – его сыновья, детишки – внучата. А се – Доброслав, батюшка Добромысла. Глава же всему посеву – Радим... Ты, Радимушка, не ровесник ли батюшке-дубу?

Старец, опиравшийся на посох, засмеялся. А зубы-то все целехоньки!

– Экое скажешь! Под нашим дубом сам дедушка Род сиживал, пчелок слушал.

Добромысл подвинул Баяну горшочек с луковицу.

– Этот мед не едят, но отведывают. От земляных пчелок. А берут они свой взятки, по нашему размышлению, с самого солнышка.

Старик струганой палочкой подцепил каплю, подал отроку. Капля засверкала, будто росинка.

– Видишь? – Добромысл и сам любовался медовой искоркой. – Поглядел, в рот клади... Чем пахнет?

Все смотрели на Баяна, и он вспыхнул до ушей.

– Ну что, не упомнишь?

– Пахнет... настом, – брякнул Баян и, совсем смутясь, прошептал: – Грозою пахнет.

– Так оно и есть! – радостно воскликнул Добромысл. – Экие у тебя ученики, Благомир!

– В нашем народе всяк человек смекалист, – сказал волхв, но похвала бортника была ему приятна.

«А где же бабушки? – подумал Баян. – Неужто все ушли к Роду?»

– Бабушки наши в лесной избе, – сказал вдруг Добромысл, – травки собирают... Коли после дождя тепла не убудет, травки большую силу наберут.

– А дождик не унимается, – вздохнул Доброслав. – Мокро будет в лесу.

– Утро вечера мудренее. Ляжем-ка спать да насним солнышко, – объявил свою волю Радим. – Гости с дороги утомились.

Благомира и Баяна положили на печи.

Волхву приснилось в ту ночь, будто у него из ног выросли корни, вошли в землю, и стал он вечным деревом, с вершиной, полной певчих птиц. А Баяну мама приснилась, ласковая Власта. Грела его, положила себе под бочок, и так было хорошо, так пахло мамой, что всю-то ночь он улыбался.

Утром небо сияло, и, пропев Сварогу славу, бортники-мужи отправились в леса добывать из дупел мед, а деды и Благомир с Баяном пошли поклониться батюшке-дубу.

Весь бортников была невелика – полдюжины изб. Но каждая изба – как терем. Крыши тесовые. Дворы крытые. За дворами огороды, за огородами – лес. Липы, дубы, явор¹¹ кое-где.

Воздух гудел, звенел. Баян не мог понять, что это. Добромысл показал ему на дупла. Все деревья были с дуплами, и над каждым – какое-то мелькание.

– Пчелки трудятся, мед носят. Чуешь, какой дух?

– Сколько у вас деревьев-то медвяных? – спросил Благомир.

– Не считано, – сказал Добромысл. – Посчитаешь – сглазишь, без счету живем.

Медвяный бор был не густ и совсем не велик. Деревья скоро расступились. Вышли на поле, засеянное гречихой. Здесь, в ложбине, посреди земли и неба стоял батюшка-дуб.

Невелик был дуб, но тяжел. Земля под ним прогнулась. Проломил бы насквозь твердь – корни держали. Во все стороны раскинул. Могучие корни. Сам кряжист, толст непомерно. Вершина зеленая, но кучная, не разбрелась по небу. Два дупла в дубе, как два глаза.

– Глядит! – сказал Благомир.

– Глядит, – согласился Радим.

– Запах дивный!

– Как же без запаха? Внутрях-то у батюшки медку бочек сорок! – Добромысл подставил ладонь ветру и понюхал пальцы.

– Хе! Сорок! – засмеялся Радим. – Здесь сама земля медом напоена. У батюшки-дуба мед никогда не брали.

Подошли ближе, сели на длинную древнюю скамью, струганную из целого ствола.

– А куда птицы подевались?! – удивился Благомир.

– Хе! – высоким голосом откликнулся Радим.

Доброслав, протерев глаза, окинул быстрым взором небо.

– Вон куда смотри! – указал отцу Добромысл.

Темная птица, тяжело взмахивая крыльями, летела со стороны леса.

– Орел! – узнал Благомир.

– Орел, – улынулся Радим. – Кушанье деткам несет.

– Собака, что ли, у него?! – удивился волхв.

– Должно быть, волчонок.

– Волчонок?!

– Наши орлы своих деток волчатами откармливают, – сказал Добромысл.

Орел сделал круг над дубом, посмотрел на гостей, признал за своих, сел на дерево, и густая крона скрыла его от глаз.

¹¹ Явор – белый клен.

– Не станем мешать великой птице! – Волхв поднялся, поклонился дубу, а Баяну разрешил: – Поди коснись кореньев. Да будет милостив к тебе батюшка.

Когда возвращались в весь, увидели ребят на пригорке. На гостей глядели. Среди детишек стоял на задних лапах медвежонок. Ребята – ладошки к глазам, чтоб лучше видеть, и медвежонок лапу к морде.

– Медведь-то не озорник? – спросил Благомир старцев.

– Ручной. Матушка его липы с дуплами ломать взялась. Убили неистовую, а медвежонок в избе живет, у Дубыни. Добрый мишка, такой же ребяенок.

Благомир положил руку на плечо Баяну:

– Ступай поиграй! Мы пойдем помолимся. А ты – поиграй, порезвись.

Ребята глядели на робко подходившего волхвенка разиня рты.

– Здравствуйте! – Баян поклонился ребятам в пояс.

Ребята молчали, изумившись еще более. Медвежонок, урча, пошел, пошел да и обнял гостя. Закряхтел, напирал упрямо, силясь.

– Ты покоришься ему! Покоришься! – ожили ребята.

– Как покориться-то? – не понял Баян.

– Поддайся! Пусть он тебя поборет.

Медвежонок уже взрыкивал, сердясь. Баян подогнул колени, повалился. Победитель, ликуя, опять-таки рыкнул и благодарно лизнул Баяна в лицо.

Ребята обступили гостя. Иные трогали.

Пригожая девочка сказала:

– Ты волхв? А меня зовут Синеглазка.

Личико у нее было ласковое. Ладошки она заранее сложила у подбородка, готовая ахнуть на всякое слово пришельца.

– Меня в учебу взяли, – сказал Баян. – Мы слова ищем.

– Ахти! Слова! – изумилась Синеглазка. – Кличут-то, спрашиваю, как?

– Баян.

Ребята почтительно примолкли. Но Синеглазка сказала:

– Пойдемте с горки кататься-валяться.

– Пойдемте, – согласился Баян.

Все обрадовались, побежали. Медвежонок впереди. Он, всех поваливший, почитал себя вожаком.

Взбежать на горку было не просто. Горка крутая, трава скользкая. Баян зашпатыкался, но Синеглазка схватила его за руку, потащила вверх:

– Гляди, как мы ходим-то!

Баян тотчас и сообразил, в чем хитрость: ребята ноги ставили по-гусиному. Попробовал – получилось. Взбежавшие на гору, приплясывая, пели:

Мы возьмем-ка в грудь ветра буйного,
Покатаемся, повалеемся.
Слезай, страх, со спины.
Не носить нам тебя,
Не твои мы угоднички.

Один за другим дитяти ложились наземь, катились с горы перевертышем, а медвежонок – кубарем.

– Давай в другую сторону покатаемся! – предложила гостю Синеглазка.

Другая сторона была пологая, но катанье здесь зато долгое.

– Давай, – согласился Баян.

Легли, перевернулись на бок, покатались, покатались... Небо, земля, небо, земля и синие глаза между землей и небом.

Далеко укатились. Лежали. Так и плыло все: небо плыло, земля плыла.

– Хорошо? – спросила Синеглазка.

– Хорошо.

– Вот у нас какая горка-то! У вас такая есть?

– Такой нет, – сказал Баян и вспомнил, как летел с белой горы белый конь. Сердце сжалось.

Синеглазка вдруг вскрикнула:

– Смотри! Ах, злодейка! Ах ты – волк полосатый!

Баян поднялся.

– Кого ты ругаешь?

– Оса пчелку убила. Работницу. Смотри, да у них здесь, у злыдней, – целое гнездо. Ну да будет же вам на орехи!

Синеглазка вскочила, закружилась на одной ноге, приговаривая:

– Оса, мать всем осам, – ты мне не мать. Осатки-детки, всем детям детки, – вы мне дети.

Беру я закручень-траву, сушу на сыром бору, жгу на зеленом лугу. Остяки, летите на дым! Оса, беги в сырой бор! Слово – замок, ключ – язык!

Рухнула в траву. Сидела, закрыв глаза. Подняла одно веко.

– Улетают! Улетают!

Баян так и ахнул про себя.

– Ты сама придумала заговор?

– Да кто ж заговоры придумывает? – удивилась девочка. – Меня бабушка научила отваживать ос. Мы – бортники, мы – пчелок храним. Они – кормилицы наши.

– Научи заговору.

– А ты меня замуж возьмешь?

Баян покраснел.

– Мы же еще ребята.

– Хе! – сказала девочка. – Это мы сегодня ребята, а завтра будем жених и невеста.

Раз вздохнула, другой.

– Ты, если не хочешь взять, понарошке скажи. Заговоры чужим нельзя передавать.

– Я тебя и по правде возьму, – сказал Баян, не поднимая глаз на девочку.

– Ой! – обрадовалась Синеглазка. – А ты мне с первого погляда полюбился... Смотри! Я тебе верю. Ну, коли ты мой, а я твоя – слушай. Наш заговор крепкий.

И опять ойкнула.

– Ты чего? – спросил Баян. – Оса, что ли, тяпнула?

– Я придумала. Нам надо присушить друг друга, чтоб было крепко, чтоб на весь наш век! Согласен ли?

– Согласен.

– Давай вместе говорить. Сначала я скажу, потом ты. Я на тебя словечко наведу, а ты на меня. Только глаза закрой. Закрыв?

– Закрыв.

– Ну тогда слушай и повторяй. Смотри, чтоб слово в слово... Пойду я, внучка дедушки Рода Всеведа, Синеглазка, во чистое поле, в восточную сторону.

– Пойду я, внук дедушки Рода... – вторил Баян девочке.

– На восточной стороне, – пела, ликуя, заговорщица, – есть бел-белехонек шатер-шатрище. Во том шатре-шатрище сидит храбр Вихорь Ветрович. У храбра у Вихоря Ветровича есть двенадцать братцев, двенадцать рассыльчиков. Пошли мои слова, храбр Вихорь Ветрович, внуку дедушки Рода, Баяну...

– Внучке дедушки Рода Всеведа, Синеглазке...

– Где бы эти слова не захватили внука дедушки Рода, Баяна, в пути ли, дороге, сидящего ли, спящего, да ударили б его в рот, в живот и в горячую кровь!

Баян слушал да по-своему заговор переиначивал:

– Не могла бы без меня она жить, ни быть. Ни день днеть, ни ночь ночевать, ни час часовать. Слово мое бело, как бел-горюч камень Алатырь. Кто из моря воду всю выпьет, кто из земли всю траву выщиплет, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучую не увлечь.

Девочка замолчала. Молчал и Баян. Глаза не открывал. Вдруг услышал на лице своем быстрое дыхание.

– Не открывай глаза! Не открывай. Поцелуемся для крепости! А когда отвернемся друг от дружки, тогда уж открывай.

Он почувствовал запах земляники, губы коснулись его щеки, и он тоже чмокнул губами, попал в бровку. Сидели спиной друг к другу.

– Теперь повернемся? – спросил он.

– Да уж повернемся, – согласилась девочка, но глаз не поднимала. – Слушай теперь осинный заговор. Повторяй.

Баян повторил.

– Запомнил? Без меня скажи.

Баян сказал. Девочка кивнула головой:

– Правильно запомнил.

Вскочила, побежала. Он побежал за ней. Она остановилась, сказала строго:

– Пусть никто ничего не приметит. Но ты – помни.

И снова припустилась на гору.

Погост княгини Ольги

Шли по набитой, по наезженной дороге. Баян пропел волхву заговор на ос.

– Искал и нашел, – сказал Благомир одобрительно.

– Но ведь не сам придумал.

– Придумаешь, когда день придет. Ты радуйся – заветное слово само тебя нашло.

Баян долго молчал, но в сердце у него копошилось, свивая гнездо, сомнение. Не утерпел, сказал:

– Мы пошли слова искать, да что-то не ищем.

Благомир остановился. Повел руками в одну сторону, в другую.

– Се мир!

Показал на небо, на землю, положил ладони Баяну на плечи, себе на грудь.

– Се, друг мой, – Вселенная...

Грустным стало лицо у всесильного, у великого волхва.

– Я много лет потратил, пытая себя одиночеством, но одиночество одарило меня всего одной истиной: слово – жизнь, оно живет в народе... Наше с тобой полюдьё¹² никому не приметное. Мы берем дань незримую. Один человек о жизни своей расскажет, другой поделится плодами труда своего, кто-то и заплачет... Нам, сборщикам сей дани, – все дорого. Высокое слово и низкое. Ты и руганью не пренебрегай. Сам не скверни уста, но о скверне, чернящей язык, тоже ведай. – Волхв улыбнулся, погладил отрока по голове. – Ты все понял?

– Все, – сказал Баян, опуская глаза.

– Не лукавь. Тебе неимется спросить, а где же оно – вещее слово? Что тебе ответить? Все родники в море сходятся, все вещие слова гуляют себе на воле среди словес человеческих. Хорошо живет княжеским гридням, вкусно едят, в цветном платье ходят. Но воли своей у них нет, чужой служат, еще и с радостью. Слову служба нелегко дается... Служит верно, но своей волей не идет. – Волхв улыбнулся ласково: – Не устал? Не оттопал ноги?

– Не оттопал, – просиял в ответ Баян.

Они поднялись на косогор и увидели на другом его крыле башенку с куполом. На куполе сияло позлащенное перекрестье.

– Погост, – сказал Благомир. – Не дремлет княгиня Ольга. Метит землю Русскую крестами.

– Крестами? – спросил Баян.

– Видишь, на куполе? Золотом блестит? Это крест... Башенка – церковь. Возле церкви застава. Землю нашу от врага бережет.

– Воины! – обрадовался Баян, готовый бегом бежать к погосту, но волхв головой покачал:

– Мы сюда не пойдем! Здесь нам не обрадуются.

Дрожащей рукой оперся на плечо Баяна. Повел прочь. Когда спустились с косогора, Благомир совсем ослабел. Лег, чтоб сил набраться.

– Травы сухой собрать? Костер запалить? – встревожился Баян.

– Не надо... Видишь лес впереди? За лесом пахари живут. У пахарей заночуем.

Благомир закрыл глаза. Чтобы дать ему покой, Баян отошел подальше, а ноги сами собой привели его на холм. Строений погоста было не видно, но крест сиял. Второе солнышко.

Что это за диво такое – крест? Вон как волхва-то напугал.

Солнце ушло в облако, золотое сияние померкло.

– Баян! – окликнул отрока волхв. – Пошли, пошли! Дорога неблизкая.

¹² Полюдьё – ежегодный объезд земель, который совершали древнерусские князья, бояре-воеводы с дружинниками в X – XIII вв. с целью кормления и сбора податей.

Бодрился Благомир, а ноги плохо слушались. Через версту снова сели отдохнуть.

– Сам не пойму, – признался волхв. – Мне ведь не противен крест. Един Бог! Един! Но Сварог – свет, а Христос – всего лишь распятый... Боюсь я, Баян! Всю землю нашу крестами уставят. – Посмотрел пристально. – Матушка тебе о Христе не сказывала?

– Не сказывала. Не видел я крестов.

– Век бы их не видеть, не ведать. Но уж коль мы ведуны, надо заранее знать, куда молния ударит! – Волхв лег в траву, дышал прерывисто: о трудном приходилось говорить. – За морем, Баян, есть великое царство Византия. В том царстве стоит, красуется на весь белый свет Царьград. Церквей в Царьграде – как деревьев в лесу. Ибо всякий человек поклоняется в том царстве распятому на кресте. Имя распятому Иисус Христос. Ходил он, говорят, по земле Иудейской, учил любить всякого человека, как самого себя. Учил обиды терпеть. Коль ударит кто тебя по щеке, другую щеку подставь. Один из учеников предал его. Поцелуем указал лютым врагам учителя. Схватили Христа, привели на высокую гору, а было это в городе иудеев – Иерусалиме, и на той горе Голгофе предали невинного позорной смерти, прибили за руки, за ноги к кресту.

– Невинного? Чистого? – вырвалось у Баяна.

– Это Христос учил любить даже гонителей своих, люди живут по иной заповеди: не делай доброго – не будет худого. Так и вышло. Самому доброму досталась самая горькая доля... Все, кто верит во Христа, говорят: «Он, рожденный женщиной, был Сыном Всевышнего Бога Отца». Распятый, он три дня пребывал в смерти, а потом воскрес, возошел на небо и правит миром со Своим Отцом и с Духом Святым... Княгинюшка наша прельстилась в Византии блеском золота в храмах, отступилась от Сварога, от Рода. Приняла от греков крест, привезла одетых в черное монахов... – Благомир вздохнул. – В Киеве волхвы при княжеском дворе ныне не угодны. Ты, Баян, подумай, а я посплю.

И заснул.

У косарей

Заночевали Благомир и Баян под явором. Баян набрал сучков и сухих трав для костра, но огня зажигать не стали.

– На звезды поглядим, – сказал волхв. – Сколько длится мой век, столько и гляжу на ярочек небесных. Ах, Баян, тот из людей счастлив, кто владеет дивным даром Сварога, кто пьет красоту, как воду, ковшами, но не может утолить жажды.

Звезды, не переча гаснущему вечеру, выныривали из небесного омута – жданные да нечаянные.

– Как кувшинки всплывают, – сказал волхв. – Нет-нет – и вдруг вот она, скромница. А сама – Прекраса Премудровна.

Благомир дал отроку хлеба ломоть, меду, сам луковицу, посоля, съел.

– Батюшка мой любил в ночном хлебца с луком да с солью покушать... – Указал на небо: – Ковш видишь?

– Вижу.

– А другой, малый?

– Вижу.

– Теперь высмотри звездную тропку между ковшами. Зришь?

– Зрю! – обрадовался Баян.

– Открою тебе тайну тайн. Последняя звезда в малом ковше есть Кол-звезда. Небо к сему колышку привязано. Намертво, да не навечно. Всякая звезда имеет свой путь, Кол-звезда стоит как вкопанная. На Северную страну указывает, на Беловодье, на Рипейские горы... А вот тебе и тайна. Зришь звездочку между ковшами?

– Бледнехонькую?

– Ярочка и впрямь бледнехонька. Но в давние времена, когда землю покрывали сверкающие белизною льды, – центром мира была она, ныне тихая, а в те давние времена пылала такими звездными пламенами – днем, при солнце не гасла. – Волхв замолчал, и Баян молчал. Ему было стыдно за свое сердце, уж так громко стучало.

– Это – половина тайны, – сказал Благомир, – а другая половина в том, что через многие тысячи лет придут времена, и повернется небо, и опять засияет эта тихая росинка, и небо покорится ей и будет ходить вокруг нее. Когда придешь в лета седовласой мудрости, Баян, передай тайну дивных наших пращуров умноглазому отроку. Ты ведаешь, кто пращуры-то наши были?

– Скифы! Мне матушка о скифах сказывала.

– Скифы – наши дедушки. Великомудрые греки поныне зовут Русскую землю Скуфь, а нас с тобой – скифами. Мы, Баян, от корня ариев¹³!

– Ариев?

– Арий – значит благородный. Хозяин колесниц. Наследник сокровенного знания.

– Скифом¹⁴ быть хуже? – упавшим голосом спросил Баян.

Благомир засмеялся.

– Молодец, Баян. Никому не уступай имени дедовского. Ты – скиф, повелитель просторов. Земля скифов от великого Восточного моря и моря Индийского до Истра, от страны вечного снега, от Рипейских гор до самого Нила египетского. Се – Скифия! Но никогда не гордись

¹³ *Арии* – арийцы – название народов, принадлежащих к индоевропейской языковой общности.

¹⁴ *Скифы* – древние племена в Северном Причерноморье (VII–III вв. до н. э.), которые делились на «царских», «кочевников», «земледельцев», «пахарей». В IV в. до н. э. создали Скифское государство, но после разгрома готами растворились среди других племен. Скиф – легендарный потомок библейского Иафета (сына Ноя), имя Скиф – символ связи между древними славянами и скифами.

попусту. Скифы не хвастали первородством перед другими народами. Зело древние, а называли себя – молодым племенем.

– Как же мы стали русскими?

– Промыслом Сварога. Скифы – не муравьи, в муравейники не сбивались. Родит отец трех сыновей, вот и три племени. Один в лесах живет, другой в степи, третий морем кормится. Кровь одна, а века прошумят крыльями, встретятся правнуки единого прадеда да и не поймут друг друга. Один говорит: се – солнце, а другой говорит: се – офтоб, се – шамс, гюн. Один говорит: се – небо, а другой: се – тенгри.

Замолчал Благомир. Баян пождал, пождал, что еще скажет, и услышал покойное дыхание: уснул.

Лег и Баян.

Явор огромный, в иной роще нет столько листьев, как на этом яворе, но ни единый листок не шелохнулся, оберегая сон старого и малого.

Утром в лесу они встретили олениху с двумя оленятами. Олениху поклонилась волхву, а резвые детки ее подбежали к Благомиру.

– Погладь олешек, – сказал волхв ученику.

Баян погладил, почесал одному и другому шейку: олени, лошади, коровы любят такую ласку.

– Знакомая моя, – сказал волхв об оленихе. – Было время, набирался я силы в лесу. Нашел олешка еле живого: ногу сломал. Вот тебе и урок: на доброе зверь памятлив. Но и другое знай: человек за самый щедрый твой дар, за верную службу, даже за спасение от гибели может отплатить черной неблагодарностью. Но не сделаешь добра, отвернешься от страждущего – сам станешь черным. Нет у доброго человека выбора. Твори добро, не ожидая ни похвалы, ни награды.

– Не зорно ли ждать злое? – спросил Баян.

– Твори добро без оглядки.

Вошли в розовое, в пылающее озеро кипрея. Возликовало сердце Баяна. Маму вспомнил, ласку пламени в ладонях. Ярополк встал перед глазами. Мелькнула, как ядовитая змея, быстрая мысль: «Не предал ли семейной тайны я, недостойный, показав диво кипрея княжичу?»

– Вот и выбрались! – воскликнул в то же мгновение Благомир, выходя из кипрея на простор.

И увидел Баян – они на той самой горе, куда приводила его матушка.

Кинулся глазами по голубым далям, ища свою родную весь.

Волхв, обняв его за плечи, сказал тихонько, ласково:

– Потерпи. Разлука наполнит твое сердце любовью. Без любви слова неживые, как прошлогодние листья. Потерпи – ради вешнего, всемогущего слова.

Они пошли с горы в другую сторону, и Баян ни разу не оглянулся. Трепетало сердце, билось в тоске, как бьет птица крыльями над выпавшим из гнезда птенцом, – не оглянулся.

Они шли лугом, по синим да по голубым цветам. Спустились в пойму. Здесь трава была скошена, и люди вдали копошились муравьишками: ставили огромный стог. На небо надвигалась из-за реки лохматая, как бродячий пес, туча.

– Не успеют! – ахнул Баян, прибавляя шаг: вспомнилось, как дома спасали от дождя высушенное сено.

Волхв тоже прибавил шаг. Стало видно: люди мечутся неистово, но гром уже погромывал.

– Не успеют! – простонал Баян.

– А мы с тобой на что? – Волхв грозно сдвинул седые брови и сам сделался тучею.

Ударил посохом оземь, вскинул руки к небу, одежда на нем заплескалась, словно его обьял сильный ветер.

– Гей, орлица! – закричал волхв зычным голосом. – Твое гнездо не здесь! Лети туда, где птенцы ждут тебя не дождутся. Дождь-косохлест – ты нынче не про нас. Стой, говорю! Не то пресветлый ярый Дажбог иссушит тебя досуха.

Туча будто споткнулась о преграду, на дыбы взмыла, громоздя облако на облако. И пока-тилась вся эта громада краем неба. Было видно: стеной дождь стоит, да река ему, как застава неодолимая.

– Ступай! Ступай! – ласково говорил волхв туче. – На молодых пролейся. Молодым дождичек – на счастье.

Люди глядели то на тучу, то на волхва с отроком. И когда путники подошли к незавершенному стогу, все дружно поклонились своему заступнику.

«А ведь когда мы шли под дождем, Благомир и не подумал развеять тучи», – вспомнилось Баяну.

– Завершайте стог, потом поговорим, – сказал Благомир людям, – а нам водицы дайте попить.

– Квасу откушайте! – поклонились женщины.

Квас был с анисом, крепкий. В нос ударял.

– Хорош? – спрашивали женщины, улыбаясь отроку.

– Хорош.

Вдруг раздался пронзительный истошный крик.

– Зорюшка никак не разродится, – заохали женщины. – С утра кричит. И работать не работала.

– Пошли поможем, коль по силам будет, – сказал Благомир Баяну.

– Ему-то, дитю, зачем на такое глядеть? – изумились и даже испугались женщины.

– Се – мой ученик, будущий помощник ваш. Для волхвов – нет ничего в человеке тайного, нет и стыдного.

Зорюшка была бледна, как первый снег, до голубизны. Благомир осмотрел роженицу, ощупал плод. Достал из котомки снадобья, дал Баяну смешать три лекарства в серебряной ступке. Напоил болезную. Вздохнув, шепнул Баяну:

– Делать нечего, надо тучу назад звать.

Отошел от стога. Ударил посохом в землю. И снова трепетала на волхве одежда, как от бури.

Туча, укатившаяся на край неба, заворочалась, двинулась к реке. Полетели быстрые облака над косарями. И пришел черный, как пропасть, небесный вихрь. Сверкнула молния, разразив небо, и уж так грянуло – оглохли все, наземь попадали, но закричал ребенок.

Пошел дождь, ласковый, теплый. И не было среди людей досады – не закончили общего дела. Была радость – разродилась Зорюшка.

– Сено-то высушим, – говорили косари. – Уголок всего не успели завершить... Солнце-то! Солнце!

Солнце сияло сквозь дождь. И радуга встала над лугом, над людьми с их стогом, над новорожденным, дивная, близкая.

К волхву подошли женщины:

– Зорюшка спрашивает, как ей сына назвать? Благомир показал на Баяна:

– Родился верный друг сему отроку. У него и спросите.

Женщины поклонились Баяну:

– Как назвать дитяню?

Баян поглядел на Благомира, но тот глаза веками прикрыл.

– Он ведь громом спасенный, – сказал отрок в отчаянье. – Не знаю. Громом назовите. Громушкой. Громогласом.

– Эко! – удивились женщины. – А все равно, будь по-твоему. Хорошо ведь – Громоглас, Громушка. Имечко-то по судьбе.

Княгиня Ольга и внуки

– Да куда же мы с тобой пришли? – удивился Благомир, оглядываясь по сторонам.

Они стояли на поляне, перед глубоким озером, перед лесом, по вершинам которого хаживал волхв, но это было незнакомое место. На берегу озера стояла высокая, будто колодец в небо, будто перст указующий, церковь. Крест выше леса. Чуть в стороне, за тыном, три избы. Люди в черном посыпали белым песком дорожку, прямую, как стрела, от тына до паперти. Паперть – широкий помост перед узкой дверью в храм.

– Наши! – обрадовался Баян, указывая на волхвов, глядевших на черных людей из-за деревьев. – Покричать нашим?

– Подойдем, – сказал волхв.

Их обступили, стали рассказывать:

– За неделю черные-то управились. Три веси согнали с топорами. Княгиню ждут.

Вдруг торопко затрезвонило, осушая волхвам сердца, всполошное било.

– Княгине трезвонят, – сказал Благомир. – Пожаловала.

Из-за леса на поляну выходила вереница людей, одетых в парчовые ризы, с хоругвями, с крестами, с какими-то изображениями в позлащенных, в серебряных, осыпанных драгоценными камнями окладах.

– Это иконы, – сказал Благомир. – Своих хранителей христиане рисуют красками. Украшают как только могут. Не жалеют ни серебра, ни золота.

– Вон она, Ольга-то!

– Княгиня! Княгиня! – шептались волхвы.

– Пешком ведь идет!

– Княгиня – христианка, – сказал Благомир. – Христиане между собой все равны, братья и сестры. Богу своему угождает.

С иконой, крестом выступили из церкви семеро монахов. Все в черном. Высокие, торжественные. Оба шествия встретились возле рощи, где стояли волхвы.

Киевские златоризы священники расступились, и княгиня Ольга с двумя внуками предстала чернецам.

– Ярополк! – обрадовался Баян.

– А другой – Олег, – шепнул ему Горазд. – Мы для Олега запоны на платье делали. Вишь, как сияют! Наши запоны-то!

Монахи поклонились княгине до земли, запели:

– «Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу вся земля!»

Люди, пришедшие с княгиней, подхватили песнь, голоса слились в единый сладкозвучный величавый глас.

– «Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовестуйте со дня на день спасение Его!» – пел крестный ход, и волхвы в том ликующем пении слышали грозный призыв оставить тьму ради света.

– «Возвещайте в народах славу Его, во всех племенах чудеса Его! Ибо велик Господь и достохвален, страшен Он паче всех богов. Ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил».

Сказал Благомир своим:

– Они ждут от нас смирения, так смиримся! Преклоним колена перед крестом. Пусть утешит их ложь, ибо нет правды в человеке, который меняет богов ради покоя своего и бережения жизни своей.

Все волхвы опустили на колени, поклонились княгине и ее шествию. Баян разглядел: на иконах лики все большеглазые.

Крестный ход двинулся к церкви. Княгиня Ольга шла, держа внуков за руки. Ярополк увидел Баяна, махнул ему, подзывая. Благомир приказал тихонько:

– Подойди.

Баян подбежал к княжичу.

– Се – мой друг! – Ярополк потянул бабушку за руку, показывая ей ученика волхвов.

Княгиня Ольга, погруженная в молитву, подняла на Баяна глаза.

Все знали – она старая. Да только ни единой морщинки не увидел волхвенок на белом, как зима, лице великой правительницы. В глазах Ольги тоже стояла зима – лед сверкающий. Упала душа у Баяна, как птичка, схваченная за крылья морозом.

– Можно, он пойдет с нами? – Ярополк снова дернул бабушку за руку.

– Вы с братцем тоже ведь нехристи, батюшки вашего ради, – сказала Ольга и вдруг улыбнулась Баяну: – Единый Бог милосерден. Иди к Нему, Он примет тебя.

В храме поместилось немного народу: княгиня с внуками, ближние люди княжьего двора, монахи, киевский владыка.

Началось освящение храма. Перед иконами зажгли свечи, кадили. Запах ладана волновал сердце радостной близостью к великой сокровенной тайне.

Монахи пели, княгиня пела, все, кто был в храме, пели.

Ярополк показал Баяну на икону Спаса Нерукотворного:

– Се – Иисус! Бог. А это Его Мать. Богородица.

– А кто в шкарах? – шепотом спросил Баян.

– Ихний человек. Святой, – и показал головой на дверь.

Баян не понял.

– Пошли на озеро, – шепнул Ярополк. – Меня теперь пускают. Отец велел пускать. Куда хочу, туда иду.

Княгиня Ольга увидела, что старший внук собирается улизнуть, глянула строго, но только перекрестилась, поклонилась своему Богу до земли.

Ярополк и Баян вышли из церкви.

Перед храмом тоже служили.

– Пошли подальше! – сказал Ярополк. – Весь день поют, поют...

– Хочешь к белому коню? Я ведь тоже только пришел. Мы с Благомиром за словом ходили.

– За словом?! – удивился Ярополк. – Бабушкин Бог тоже Слово. Она сама мне говорила.

– Мы искали вещее слово.

Они вышли к белым скалам. Смотрели на реку, полыхавшую солнцем.

– Ты хотел бы птицей быть? – спросил Баян.

– Я хочу быть князем.

– А зачем?

Ярополк удивился, посмотрел на Баяна, но ответить не умел.

– А ты кем хочешь быть? Волхвом?

– Я хочу петь славу пращурам.

– А зачем? – съехидничал Ярополк.

– Чтоб люди помнили. Чтоб ариев помнили, чтоб скифов помнили. Богатырей.

– Я хочу быть князем, – сказал Ярополк, сдвинув брови. – Как князь скажет, так и будет... Скоро мой отец сядет на киевский стол. Он греков не любит... Он ихний Царьград себе возьмет.

– Мне Благомир говорил, земля наших пращуров была от Восточного моря до Истра, от холодного моря до теплого.

– На такой большой земле как править? – строго спросил Ярополк. – Я буду в Киеве сидеть. Чужого не возьму, а уж своего никому не дам.

– А если льды придут из полнощной страны? Арии от тех льдов в Индию ушли. Арии всех покорили. У них были колесницы. Если льды придут, ты поведешь нас в Индию?

– Льды не придут, придут хазары, а у бабушки тысяцкий – старик.

Ярополк нахмурился. Баяну захотелось утешить друга, вспомнил, как в родной веси ребята ходили на руках. Он и встал на руки.

– Ты так умеешь? – спросил, почесывая пятку пяткой.

– Скоморохи мои так ходят.

– А ты пробовал?

Ярополк отвернулся.

– Давай научу.

Стал показывать, что да как.

У княжича раз не получилось, другой не получилось – и вдруг встал.

– Княжич! – прибежал слуга. – Княгиня зовет!

Ярополк стоял на руках, и ему очень нравилось, что он не хуже Баяна, не хуже скоморохов.

– Княжич! – ахнул слуга. – Кровь бы в голову не ударила.

Ярополк вернулся на ноги. Сиял.

– Княжич! Княгиня гневается.

– Возьми на память. Придешь в Киев – покажи страже. Пустят.

Ярополк рванул с кафтана запону, дал Баяну. На слугу зыркнул сердитыми глазами.

– Смотри! Никому не говори.

Услада и любовь

Поскучнел богатый, счастливый Киев-град. Бояре да купцы оделись холопами. Холопы – смердами.

Посконно было на княжеском дворе. Княгиня Ольга да комнатные ее люди узорчатые платья спрятали, достали из сундуков ношеное, обветшавшее.

Однако ж у воинов и одежды были изрядные, и оружие новехонькое, богато убранное. Что ни воин – богатырь.

Посол великой Хазарии¹⁵ бедности Киева не поверил. Сын тудуна, надзиравшего за сбором налогов в казну кагана¹⁶, Иоанн Ашин с детства приготавливался к будущей своей службе. Знал, сколь хитра и премудра княгиня Ольга.

Он был крещен, получил христианское имя.

Молился Иоанн Христу, но служил могуществу рода Ашинов¹⁷ и боготворил кровное родство с гуннами. Однако то была половина крови, другая половина, материнская, вязала хазарского посла со всей Киевской землей. Его мать была русская.

Хитрость княгини Ольги изумила, но не рассердила посла. Он прибыл взять дань и затребовать новую.

Тысяцкий¹⁸ Георгий Вышатич водил Иоанна глядеть на товары, входящие в роспись дани. Ярый воск от новоройных пчел. Ярая пшеница. Ярая – смотреть больно – соль. Связки кунных шкурок, бочки меда, бочонки меда ставленого, пьянящего, обильнопенного. Полотно из льна, все отменное, все по договору. Пенька чесаная, чистая. Одного овса только было приготовлено мало.

Иоанн вскинул удивленно глаза, а тысяцкий развел руками:

– Не уродился овес. Мы ягод сушеных изготовили взамен. Здесь, в мешках, вишня. Здесь груши.

– А где славянская ягода?

– Костяника? Вот, два бочонка.

– Ягоды коней не накормят, – сказал посол, но не отверг предложенного.

– Сам видишь – даем отборное. Себе оставляем, что поплоче.

Посол самодовольно улыбнулся:

– Обилие – удел великих царств.

Погордился, а в душе кошка когтями заскребла: Хазария жила былой славой, могущество кагана тает, как весенний снег.

Перед княгиней Ольгой посол Иоанн выказал всю нарочитую дурь хазарского высокомерия.

Вошел со своими людьми быстро, шапки не снял, не поклонился, сел на лавку. Заговорил первым:

– Мы довольны данью. Все товары, собранные тобой, княгиня, для великого кагана, – превосходны. Но Русь не дает моему повелителю ни золота, ни серебра. И сия скудость для

¹⁵ *Великая Хазария* – Хазарский каганат – раннефеодальное государство VII–X вв. Столица Семендер, с VIII в. Итиль. До IX в. каганат был огромной империей, обнимавшей почти всю южную половину Восточной Европы, но ко времени правления Иосифа (середина X в.) размеры его сильно сократились: обрели самостоятельность волжско-камские булгары, из славянских племен под их властью были лишь вятичи, с востока подступали гузы, вышли из-под власти Крым и Алания.

¹⁶ *Каган* – структура верховной власти у хазар была такова: во главе каган, пользовавшийся величайшим почетом, но не обладавший никакой властью. Реальная власть была в руках царя – «илька» или «бека» – каган-бека. Верховный каган жил в затворничестве, царь входил к нему босой и падал ниц. Кроме царя допускались к кагану кендер-каган и чауши-ар – сановники, равные по достоинству царю.

¹⁷ *Род Ашинов* – каган избирался из одной и той же знатной фамилии, хазарский каган происходил из рода Ашина.

¹⁸ *Тысяцкий* – военный предводитель городского ополчения («тысячи») на Руси до середины XV в.

богоподобного кагана Иосифа¹⁹ и для царствующего кендер-кагана Арпада – великое поношение и обида... Мне велено сказать тебе, княгине руссов: дай вместо золота и серебра тысячу синеглазых, златокудрых дев. Не дашь – придем и возьмем, но уже не тысячу, а сколько пожелают наши воины. Волка разумнее накормить, нежели пустить голодным в овин.

Княгиня молчала.

Светлица, где стояло княжеское золотое место, была высока, просторна, напоена светом и запахом солнца.

Ольга сидела возле пустующего трона в деревянном креслице. На ней был венец великой княгини. Платье по вороту шито жемчугом, на шее золотая гривна. На руках всего один перстень, пускавший белые слепящие стрелы лучей.

Небогатый наряд, а вот ножки у княгини были обуты в красные сафьяновые чеботы. В таких византийские василевсы²⁰ – багрянородные – хаживают.

Положа руку на подлокотник княжеского места, княгиня, чуть сдвинув брови, вглядывалась в лицо посла. Молчание подзатынулось, и посол крикнул с досадой:

– Всем ведомо, ты мудрая! Вот и будь мудрой.

Княгиня поднялась, повернулась к послу спиной, лицом к образу Богоматери на стене за троном, поклонилась до земли, осенила себя крестным знаменiem. Потом снова обернулась к послу, сказала тихо, но так, что воздух зазвенел:

– Снял бы ты шапку, христианин, перед иконой.

Иоанн вспыхнул, но шапку снял. Княгиня стояла, молчала.

Иоанн поднялся.

– Ну вот, – сказала княгиня. – Почтили мы с тобой высокое место великого князя Киевского, теперь и поговорим... На русских дев хазары разохотились... Верно, русские девы красны, как солнце, белы, как лебеди... Да ведь это вы, хазары, – рабы своего великого кагана. У нас на Руси люди вольные. Война – не женское дело. В походы я не хожу. Нет у меня рабынь, людьми не торгую. Так что смилуйся, не могу исполнить волю кагана... Впрочем, одна рабыня у меня есть, дареная. Возьми ее вместо тысячи.

Княгиня взглядом позвала к себе деву, стоявшую среди служанок. Дева показалась Иоанну дивом. Как горлица совершенная.

– Берешь? – спросила княгиня. – Усладой зовут.

– Беру! – вырвалось у посла. – Для моего кендер-кагана беру... Но мы желаем тысячу.

– Вот тебе десять турьих рогов, исцеляющих от тысячи болезней. Дев твой хан пусть возьмет в землях, где люди до того любят рабов, что и сами себя продают в рабство... Служанку мою получишь при отбытии. Мне надо приданое собрать для нее.

Посол глянул на своих людей. Развернули мягкую соболью шубу.

– Это тебе, княгиня Ольга.

Поставили на середину светлицы большой короб с изюмом.

– Это твоим девам из наших садов.

Княгиня головой указала послу на икону. Поклонился.

Ушли хазары, громко топая, переговариваясь между собой. Хозяева...

В это же самое время на половине молодого князя Святослава шел веселый, нарочито шумный пир. Князь угощал своего кунака, гузского илька Юнуса, племянника ябгу, правителя гузских племен²¹.

¹⁹ Каган Иосиф – хазарский каган, правивший в середине X в. (между 954 и 964 гг.), известен еще тем, что рассказал историю Хазарского царства в письмах, отвечая на запрос испанского сановника – еврея Хасдая ибн Шафрута.

²⁰ Василевс – титул византийских императоров. *Василевс* – титул византийских императоров.

²¹ Гузы – одно из наименований уйгуров; в них произошло смешение разных племен. Как и другие тюрки, они почитали бога Тенгри.

Заветы старины у гузов свои. Сыновья верховного правителя ябгу власти не наследуют. Честь племянникам.

Ильк у гузов – то же, что у руссов князь. Юнус и Святослав ждали заветного часа быть у народов своих первыми. Пока же их удел – тешиться охотой.

Юнус привез в подарок кунаку соколов. Сначала с соколами устроили ловитвы, душу радовали высоким летом бойцовых птиц, беспощадным, разящим ударом живой пращи, падающей с неба на жертву. Потом ездили на вепрей. Тут уже не поглядки, сам не плошай. Вепрь – зверь яростный, клыки в пол-аршина, бьет, как таран. Быстр, увертлив.

Огромный зверь ссадил князя с коня. Если бы не копье Юнуса, было бы худо. В душе Святослав радовался, что охота выдалась опасная и что не он, хозяин леса, спасал гостя – гость выручал хозяина.

Когда хмельной мед побратал гридней князя и аскеров илька, Святослав и Юнус незаметно удалились в спальные покои.

Пышная, под шелковым балдахином, постель стояла в углу. На ковре подушки, рысья шуба. Святослав, хохотнув, ткнул в сторону постели:

– Облако! А я тут сплю, – топнул по коврику. – Твердо, да нельзя упасть.

Возлегли на ковер, но Святослав тотчас поднялся, принес два меча, короткий и подлиннее.

– Этому, – показал на короткий, – мир покорился от Восточного моря до Персии, до Истра... Египет от него золотом откупался. Се меч – скифов. А се – сарматов²². На ладонь всего длиннее, да за ним правда. Сарматы побии скифов, ради пастбищ, ради славы. А по крови-то родня... И ныне, верю, есть сокровенное в воинском деле. Будешь знать – победишь сильнейшего.

– Хочешь, скажу заветное? – Глаза у Юнуса смеялись.

– Хочу!

– Заветное да сокровенное оружие против сильнейшего и многолюдного – священная дружба. Одно дерево, пусть и очень большое, не лес. Но ты лес, когда окружен кунаками. Срубить одно дерево – дело нехитрое, а вот на лес ни топоров не хватит, ни мечей.

У Святослава глаза горели, но румянец схлынул со щек.

– Хочешь напоить коней из великой реки?

– Над великой рекой зеленый простор не мерян, коням привольная пастьба, – вздохнул Юнус.

– Тебе отдаю! Корми легконогих своих.

Юнус засмеялся:

– Я бы взял, да хазары не согласятся.

– На хазар воздвигнем нашу дружбу. Пусть ищут на земле иных глупцов, кто бы кормил их. Моя матушка щедра потчевать кагана да его алхазар. Как только придет день моей воли, поскачу на Белую Вежу, выкрашу белых в алое, собственной их кровью выкрашу! За все обиды русские, за твои обиды, кунак. Ты для них, верующих Иегове, – раб и язычник.

– Мой бог Тенгри-хан. Он – небо и свет. Мне без него нельзя, как без солнца.

– Ну а мой бог – само солнце. Мой бог – прародитель людей дедушка Род. Он с твоим богом живет в согласии. Для него небо и свет – жизнь.

– Да будет наше куначество священным, – сказал Юнус. – Сольем кровь, разделим соединенное надвое.

И взяли они чашу, сделали надрезы на левых руках, слили кровь в кубок с вином. Выпили священный напиток дружбы, как пили когда-то скифы.

²² *Сарматы* – объединенные кочевые скотоводческие племена (аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.). Они в III в. до н. э. вытеснили из Северного Причерноморья скифов, в IV в. до н. э. были разгромлены гуннами.

Вернулись к пирующим просветленные. А на пиру веселье угасло: желваки играют на лицах гридней.

– Эй, кто вас подменил?! – закричал Святослав, поднимая кубок во здравие гузов и руссов.

– Посол кагана требует от княгини особую дань: тысячу русских дев! – сказал богатырь Чудина.

– И что же княгиня?

– Подарила вместо тысячи рабыню свою.

– Усладу!

– Верно, князь. Усладу. Но посол грозил взять дев силой, коли не дадут ему, что требует, со смирением.

Потемнело лицо у Святослава, Юнус ударил его рукою по плечу и сказал:

– Что печалуешься, князь? Собака брешет на весь мир, а покажи ей палку – она и хвост поджала. Ты радуйся славе русских дев. Русские жены как заря. Я и сам приехал к тебе с тайной надеждой просить в жены дочь Свенельда.

Пришла пора воеводе Свенельду, великому витязю, побледнеть.

– Моя дочь просватана, – сказал воевода.

– Горе мне! – крикнул Юнус, швыряя кубок на пол.

Встал Святослав, поднес Юнусу свой кубок. Спросил:

– Видел ли ты, брат мой, дочь Свенельда?

– Нет, не видел... И не увижу, несчастный, обойденный! – воскликнул ильк гузов.

– Тогда беда невелика. Ты влюблен в молву. Молва – манок, сеть сердцу, но она всего лишь звук, речь цветная. Поставить перед тобой сорок дев, может, и не Свенельдову дочь полюбили бы глаза твои. Молва красна, а живая дева пугливая, как олениха, – что тебе цветок папоротника. В крови у нее огонь... Пей! Пусть дочь Свенельда будет счастлива. Твое счастье тебя не обойдет.

Юнус выпил кубок, но гнев сверкал в его глазах, яростно упирался он взглядом в пространство.

Вдруг вскочил на ноги один из гридней, то был юный Блуд.

– Дозволь, князь, говорить.

– Говори, – ударил кулаком по столу захмелевший, помрачневший Святослав.

– А говорить-то мне нечего. Дозволь сестру мою привести, показать твоему гостю. Мой род в Киеве не последний.

Поглядел Святослав на Юнуса, тот в стол пялится, молчит.

– Приведи сестру. Пусть чашу поднесет властелину степей. – Зверем зыркнул на Блуда: смотри, мол, коли сестра твоя не больно хороша. Однако спросил: – Как сестру зовут?

– Любовь! – ответил Блуд гордо.

Не зря, не зря погордился.

Юнус, будто еж, пыхтел, пока не явилась перед ним юная дева с чашею меда. Тут уже деваться было некуда. Поднял глаза, а перед ним – солнце. Зажмурился, ослеп храбрец из храбрецов, да еще струсил вдруг. Перед таким дивом показался он себе куском глины, кинутым рядом с огненным яхонтом. Маловат показался титул илька, чтоб солнцем-то владеть.

Святослав и Ольга

Княгиня ждала сына в палате, где утром принимала посла кагана. Она сидела на деревянном креслице, рядом с великолепным, долгие годы пустующим великокняжеским местом. Дремала, опустив голову на грудь, и Святослав, уже приготовивший злые слова, замер на пороге, смущенный. Он вдруг увидел: великая, всеильная, премудрая Ольга – маленькая немощная старица. И тотчас ярость ударила в голову: «Тебе ли здесь сидеть, бабе дряхлой? Ступай к своим чернохвостым, кланяйся, плачь! Твой Бог любит слезы».

Княгиня открыла глаза. Два огромных самоцвета, зелено-синие, холодные, преобразили лицо.

– Я задремала, тебя ожидаючи, князь.

– Мне принесли наконечник стрелы, устроенный по-иному. С хитростью. Летит – воет. Коли тысячу стрел пустить, от одного воя побежишь.

– Война у тебя на уме.

– Да ведь я не поп, чтоб о мире вздыхать, я князь. Я и есть война..

– Твой отец, Игорь свет Рюрикович²³, войною добыл себе – смерть, жене – вдовство, сыну – сиротство, Киеву и всей Руси – опасность разорения, рабства. Чтобы спасти для тебя, наследника, великий стол сей, садилась и я, женщина, на коня... Война – топор, раны наносит быстро, а вот заживают раны всю оставшуюся жизнь. Ты торопишься на княжение, как в поход, уверенный, что побьешь отвагой, удалой силой несмелого врага.

– Ты поучить меня звала?! – дерзко крикнул Святослав.

– А кто же тебя еще поучит? Дикое поле? В поле поздно учиться, да и наука там другая.

Князь – не тысяцкий. Князь не войной правит – миром.

– Княжеством.

– Землей, сын мой. Пахарями, которые кормят князя и его дружину. Ремесленниками, без которых ни брони не будет, ни меча. Плотниками – как прожить без крыши над головой?..

Святослав засопел, набычил голову.

– Ты садись. Поговорим. Давно ведь не говорили... Место твое, как видишь, тебя ждет, я его не занимаю.

Святослав пыхнул, хватил себя по ляжкам ладонями, но ничего не сказал.

– Через полгода исполнится тебе двадцать один год. Ты получишь жданное. И хоть слова мои тебе как надоедливые мухи, я все же не перестану жужжать. О несмелом враге говорила... Знай, сын мой! Несмелый страшнее отчаянного. Несмелый кольцами вьется перед смелым, глядит на смелого, как на солнце, сам с виду пестренький, да на зубах-то у него яд... Ну да ладно. Мне успели донести: ты прилюдно осудил мой дар хазарскому послу. Говорят, тотчас сосватал сестру Блуда за гузского князька. Не дразни хазар, Святослав. Посол правду сказал: они нападают, как волки. Сожрать Русь не смогут, но сколько людей будет убито, сколько в рабство угнано!

– Тебе много нашептывают, но ведь и я кое-что знаю про твои тайности! – Святослав поглядел матери в глаза. – Я ведь знаю: улаживая хазарского посла, ты разрешила совершить набег на одну из окраин княжества. Тысячу дев отдать тебе прилюдно стыдно, а разорить веси, опустошить целый край, предав людей в тайном сговоре, – не зазорно. Слышал я, твой Бог уши режет грешникам... Кто без ушей-то останется за этаким сговором?

Княгиня Ольга побледнела. Она не ожидала такого. Сын и вправду стал мужем. Молчала.

²³ Князь Игорь (? – 945) – великий князь Киевский с 912 г., фактический родоначальник династии Рюриковичей. Он, как и Олег, подчинял своей власти восточнославянские племена между Днестром и Дунаем. В 913 г. пошел в поход по побережью Каспия, в 941 г. совершил неудачный поход в Константинополь, в 944 г. заключил с греками мир. Был убит древлянами, когда пришел к ним за данью.

– Отдай мне стол! – сказал Святослав. – Я не позволю хазарам опустошать Русскую землю.

– Хазар побить мало. – Ольга глядела на сына, как смотрят ее иконы. – Хазария должна исчезнуть. Но под каганом вся степь, горы, леса. И все племена. Отразить нашествие – много ума не надо. Побьешь бека – получишь во враги самого кагана. Ты меня осудил, а теперь поди и подумай. Вы с гузским князьком кабана запороли насмерть, по вашим ли силам зверь Итиля, Белой Вежи, Семендера? – Закрыла глаза. – Я боюсь за Русскую землю... Я так долго врачевала и собирала имение наших пращуров после ран, оставленных тебе в наследство твоим отцом.

– Я побью хазар! – топнул ногой Святослав. – Слышишь! Ты мудрая, но дед мой – князь Рюрик²⁴, во мне кровь князя Олега²⁵.

Поклонился матери, пошел прочь, но вернулся:

– Мир того не стоит, чтоб за него платить народом.

Ушел, хватив дверью.

Ольга перекрестилась на икону.

– Мир – жизнь, мир дорого стоит. – Опустилась на колени перед Богородицей. – Почему, Господь, не благословил женщины быть на княженье? Сядет на сие место сын мой – и люди забудут радости покоя и труда. Звенит в ушах моих от будущей гульбы мечей. Голова гудит от конского топота. Плачет сердце о сиротах, о юных вдовах. Господи! Богородица! А ведь этому быть...

²⁴ Князь Рюрик – по летописям, начальник варяжского военного отряда, якобы призванный ильменскими славянами вместе с братьями княжить в Новгороде; основатель династии Рюриковичей.

²⁵ Князь Олег (? – 912) – первый исторически достоверный князь Киевской Руси. Правил в Новгороде с 879 г., в Киеве – с 882 г. В 907 г. совершил поход в Византию.

На аркане

Осень стояла теплая, сухая. И вдруг за одну ночь пришла зима. Морозная, снежная. А дубы не скинули листву. Стояли черно-золотые на ослепительно-белом.

Каждую ночь Баяну снилась мама. Она летала над ним птицей, трепеща крыльями, отгоняла невидимую напасть.

Баяну жилось весело. По утрам волхвы учили его грамоте. Сначала своей, русской, потом греческой, по греческим книгам, приказывая заучивать многие страницы. И еще одному языку учили – хазарскому.

– Не робей перед чужими словесами! – ободрял Благомир Баяна. – Никогда перед чужими не робей. У хазар – сила, у нас – ум. Голова у тебя светлая. Что узнаешь в детстве – то будет называться в старости мудростью.

Во второй половине дня Баян играл на гуслях, старец-сказитель обучал его песням о славных деяниях пращуров.

Благомир назначил отроку два перерыва между часами учебы. Перед обедом его оставляли в одиночестве. Он мог сидеть дома, мог идти к лошадям или в лес, к деревьям. Вечером ему разрешалось быть с ребятами. Верховодили старшие, но одиночеству он был полный хозяин.

В иные дни Баян отправлялся в храм. Он любил быть здесь между службами. Перед «Спасом в Силах», перед Богородицею горели сияющие лампы.

Стоял, смотрел на Бога княгини Ольги, и Бог смотрел на него. Баян переходил с места на место, укрывался за столпом, украдкой выглядывал: глаза Христа не теряли его, а поднятая рука благословляла. Персты были соединены как-то очень сложно. Персты длинные, рука не богатырская, но Баяну чудилось, сила исходит от сокровенного знамения дивная.

И подходил он к Богоматери. Ждал. В лике Матери и Девы он ощущал едва приметную улыбку. Сердце сжималось: а вдруг Она улыбнется ему? Она ведь так похожа на маму.

Оглянувшись по сторонам – нет ли кого – он, едва раскрывая губы, просил Ее однажды: – Будь мне здесь матушкой. Моя матушка далеко...

К нему подошел монах:

– Хочешь, я крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа?

Баян попятился, попятился и кинулся бежать.

Зима сыпала снега. И, боясь монахов, Баян перестал ходить к Богу и к Богородице. Он ходил теперь в кузницу и в светелку к мастерам, где трудился Горазд.

Горазд чеканил наверху для турьего рога. Птиц с хищными лапами, с орлими носами. Человечков с луками. Цветы.

Баян тоже пробовал вырезать цветок. Получилось так худо, что он перепугался: испортил всю работу.

– Ничегошеньки не испортил! – сказал Горазд и единым быстрым движением резца превратил Баянову нелепицу во व्यюнок.

– Тебе Род помогает, когда ты его просишь? – спросил Баян Горазда.

– Я никогда его не просил! Зачем дедушку тревожить? Уж как-нибудь сам управлюсь. – И тоже спросил: – А тебе не скучно слова учить и ничего не делать?

– Не скучно. Слов много. Все разные. По-гречески говорить лепо. И по-хазарски лепо. Если бы узнать все языки, можно с Богом говорить.

– С Родом?

– Нет! – прошептал Баян.

– Со Сварогом?

– Побегу я. Мне на гуслях пора играть.

Схватил шапку, шубу. Оделся, выскочив на мороз.
Какие-то люди на конях ездили по краю поляны.
Шубы серые, волчьи. Лошади, как звери, косматые.
«Кто это приехал?» Баян загляделся, оступился...

Тропинка узкая – нога провалилась в глубокий снег. Он упал, забарахтался, выбираясь на твердое место. Но, едва он поднялся, как что-то просвистело в воздухе, хлестнуло, и он снова повалился в сугроб. Его тотчас дернуло, поволокло, безжалостно стискивая тело до боли.

«Хазары!» – как молния, сверкнуло в голове.

– Хаза-а-а-ры! – крикнул он, но в рот набился снег, и, чтоб не задохнуться, он сжал зубы и губы. И глаза пришлось закрыть, как бы о наст не покорябалю.

Аркан обжигал, сознание меркло, зарницы пыхали в голове. То лицо Власты мелькнет, то Ярополка, то самого Бога княгини Ольги. Щемила душа, стонала: «Не успел Благомир вешего слова сыскать, оградить Русь от хазар, от напасти. Не успел...»

Гибель Хазарии

Псалмопевец и каган

Стены, потолок, пол, даже двери были увешаны и устланы звериными шкурами. Комната круглая, здесь трем дюжинам человек не будет тесно.

Босыми ногами ласково по мехам ходить. Баян и вдоль стен прошел, трогая шкуры. Наконец сел в дальнем углу на огромную медвежью башку.

Новая жизнь на чужбине для юного волхва задалась удивительней прежней. На дележе рабов он достался кагану. Дворецкий, сортируя полон, спросил Баяна, что он умеет делать.

Голос удивил царедворца.

Не на тяжкие работы, не на побегушки определили нового раба. Учили еврейскому языку, псалмам царя Давида²⁶, игре на псалтири²⁷. Кантора, наставлявшего отрока в пении, изумил не столько голос юного раба – его память. Баян знал мелодию и слова псалма с одного прослушивания.

Уже через две недели юного псалмопевца доставили в звериную комнату. Одели царевичем. Рубаха из золотистого атласа, с рубиновой запоной на вороте. Кафтан из парчи, со стоячим воротом, с алой подкладкой, с опушкой из соболя. Обули в червленые чеботы.

Дворецкий, оглядев Баяна, остался доволен.

– В Царьграде за багрянородного приняли бы!

Псалтирь была позлащенная, струны золотые.

Трепетал Баян, когда вели его в покои кагана. На кагана, когда он выезжает из дворца, и смотреть-то нельзя, народ ниц падает.

– Мне петь, зажмурив глаза? – спросил Баян дворецкого.

Дворецкому понравился разумный вопрос. Улыбнулся:

– Живущим с каганом на одном дворе смотреть на сияющее солнце дозволительно... Не дозволительно в уныние впадать, ибо, огорчая кагана, мы можем помрачить священный свет греховной своею тьмой.

Минул час – Баяна не звали. И еще час минул. И еще... Утомленный ожиданием, он положил голову на башку медведя и нечаянно заснул.

Ему опять снилась Власта. Она летала над ним, как летает птица над выпавшим из гнезда птенцом. Она кричала ему, кричала! Он открыл глаза и тотчас зажмурился от яркого света.

Свет бил из двери.

– Заснул? – спросил человек, стоявший в тени, на хазарском языке.

Баян понял слово, повторил:

– Заснул.

– Пришла пора псалтири и псалмам.

Отрок взял псалтирь, вскочил на ноги.

Будто в само солнце вошли. Стены – сплошь златотканые ковры. Потолок золотой. Пол из золотых плит. По углам золотые курильницы, светильники тоже все золотые. Огонь горит ровно, без копоти.

На возвышении, у стены, сияющей как жар, белый трон.

²⁶ *Царь Давид* – царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в. – ок. 950 г. до н. э. По библейской легенде, юноша Давид победил великана Голиафа.

²⁷ *Псалтирь (псалтырь)* – здесь: щипковый музыкальный инструмент.

Привратник, приведший Баяна в святая святых Хазарского царства, указал на золотой таз и золотой кувшин:

– Освежись после сна.

Баян плеснул воды на ладонь, повозил по лицу, по глазам. Осмелился еще разок плеснуть. Полотенца не видно было.

– Я слушаю тебя! – раздался голос.

Баян повернулся: привратник сидел на троне. Осенило: «Да это же каган!»

Упал, как учили, на пол.

– Встань! Подойди ближе! Пой.

Баян поднялся, сделал несколько шагов вперед, заиграл. Запел:

– «Господь – свет мой и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь – крепость жизни моей, от кого устрашуся?»

Голос отрока поднимался с высоты на высоту, и вскоре уже чудилось – не от земли пение, но с неба. Небо глаголет.

Каждое слово как меч, пронзающий неправду.

– «Верую видети благодать Господа на земле живых», – заканчивал псалом Баян, выигрывая на псалтири.

Лицо кагана омылось слезами. Баян испугался, рука упала со струн, и дрожащий звук сорвался, как стон.

Каган закрыл лицо руками, сидел неподвижно. Столбиком, как сурок, стоял перед ним несчастный Баян. Огорчил-таки, помрачил солнце Хазарии, владычицы земель и народов. Не сносить головы, коли каган – живая икона – потемнеет ликом.

– Ты сегодня ел? – спросил каган, отнимая ладони от лица.

– Нет, – прошептал Баян.

Каган сошел с трона, поманил отрока за собой. Боковая комната была, как и звериная, круглая, но крошечная. Низкий, на вершок от пола, серебряный стол, занявший чуть не всю комнату, был заставлен яствами.

– Садись, – пригласил каган, – ешь.

Баян опустился возле шелковой подушки, поджал, как учили, ноги под себя. Взял, что с краю. Отведал: на птицу похоже.

– Соловей соловью! – изумился каган.

Баян вздрогнул, отложил птичку.

– Ешь. Теперь это всего лишь пища.

Отрок потянулся к лепешке, стал есть лепешку. Каган улыбнулся. Подал гостю большой кусок белого птичьего мяса.

– Это дрофа. Ешь. И пей! – подвинул кубок с виноградным соком. – А это вот маслины. Привезены из Греции... Невкусно? – Каган засмеялся. – Тогда отведай смокв. Эти смоквы из Иудеи, из земли обетованной, а эти растут на моей земле. Какие вкуснее?

Баян съел ту и другую, показал на хазарские.

– Ты оценил сладость плода, а в этих иудейских смоквах заключена завораживающая тайна. Пятикнижие²⁸. Предание. Вера. – Спыхватился: – Ты по-хазарски знаешь?

– Знаю. Меня волхвы учили.

– Ты жил среди волхвов?

Баян склонил голову, чувствуя, что сказал лишнее, но каган не рассердился, не прогнал. Он был так близко, этот человек, на которого не смели смотреть даже сами хазары.

²⁸ *Пятикнижие пророка Моисея* – первые пять книг Библии (в иудаизме называемой Тора): Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Основная часть создана в IX–VII вв. до н. э., окончательная редакция – в V в. до н. э.

Голова у него совсем уж побелела, да на высоком лбу ни единой морщины. Руки белые, на перстах ни единого кольца, голос звучный, ясный, а все равно – старик. Глаза потухшие, смотреть в них нехорошо. Голос позовет, а глаза остановят, не подпустят. Темные, но нет в них ни блеска, ни тайны. Мутные сумерки, ненастье, а может, и само несчастье стоит в этих неживых глазах.

Каган, посасывая маслину, сказал с горечью, будто прочитал мысли Баяна:

– Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих... Мне не дадут дожить на царстве до сорокового, до последнего заветного года...²⁹

Баян слышал, как дворцовые слуги говорили между собой: «Талисман счастья кагана обветшал. Воинов, ходивших в набег на Киевскую землю, погибло вдвое больше, чем привели полона».

– Играй! – сказал каган.

Баян взял псалтирь, играл, едва касаясь струн, и каган кивнул ему благодарно.

Вдруг поднялся, сказал:

– Спать будешь в звериной палате. Я хочу, чтобы утром ты пробудил меня пением семьдесят девятого псалма: «Пастырь Израиля! внемли...»

²⁹ Кагана убивали, если в стране случались беды (пожары, засуха или наводнение) или если он правил больше сорока лет.

Слуги кагана

За длинным столом сидели телохранители кагана. Баяну показали его место, но не в конце стола, а в переднем углу, под снопом, возле поставца, на который кладут еду прашурам.

Баян опустил голову: над ним хотели посмеяться. Прошептал:

– Я меньшей среди вас, мое место – у порога.

Седоусый витязь обнял отрока:

– Ты ученик Благомира, песнопевец и песнотворец. Мы все хотим слышать тебя и видеть тебя. Не сердуй! Нынче голова твоя бела от детских лет твоих, но годы – песок. Станешь бел от старости, а место твое, Баян, будет то же самое, возле прашуров. Ешь, пей, а потом порадуешь сердца наши сказаньицем о дедушках.

Красный от смущения, сел Баян рядом с великими воинами. Здесь были руссы, славяне, чудь³⁰ – телохранители кагана.

Ели молча. Витязи будто братья кровные: одного роста, головы русы, глаза синие. В плечах – сажень, лица у всех ясные, ни одного хмурого.

Попробовал Баян угадать, кто из богатырского собрания русс, кто славянин, кто чудь. Показалось, у одних – лики потоньше, во взоре поменьше сияния, побольше думы. Другие что лицом, что в кости – пошире. Одни в талии узки, другие, как каменные глыбы, туго набитые силой да мощью.

Еда была воинская: мясо, лук, пшенная каша с маслом. На питье – багряное виноградное вино, на закуску сушеный виноград, сушеные дыни.

Вместе с вином Баяну подали не псалтирь иудейскую – гусли.

Просиял отрок. И все за столом улыбнулись. Тронул Баян струнку тоненькую, такая жаль метнулась птицей над бравой дружиной, все так и замерли.

Побежала рука, легкая, как ветер, быстрая, как белка, сверху вниз, взволновались гусли, а у Баяна в голове лес зашумел, в какой с матушкой, с Властой ласковой, хаживали. Запел про дубраву, про ветер верховой, вещий, про старицу, от реки отмершую, с утятами в камышах, с лягушкою на широком листе мать-и-мачехи... Ждет лягушечка добра молодца. Ведь она, зеленая, не урод пучеглазый – дева дивная, чародейством плененная.

Баян и голосом все вверх, вверх, и глазами вверх, за песенкой, а поглядел на витязей – рука и соскользнула со струн, оборвалась песенка на полуслове. Богатыри плакали.

Выскочил из-за стола седоусый витязь, размахнул руки, ударил ногою об пол, словно постучался к праотцам, орлим взором глянул на Баяна. И тот все понял, заиграл плясовую, грозную.

Поднимались воины с дубовой скамьи, становились в круг, шли по кругу, сплетаясь руками в единое кольцо неразъемное. Топотали ногами, призывая на праздник прашуров, откидывали головы, взывая к небесным силам быть едино с прошлым и с грядущим.

Рокотали струны Баяновых гуселек, раскатывали звоны звенящие. Горячи были те звоны, никто не усидел, и Баян не усидел. Круг витязей разомкнулся, пустил его на середину. И была пляска долгая, и прибыло в каждом пляшущем сокровенных сил неизмеримо.

Тут-то и вспомнил Баян Ярополка. Пляшет ли княжич вот так же со своими воинами? Помнит ли об уведенных в полон?

³⁰ Чудь – они же эсты, а также другие финские племена к востоку от Онежского озера, по рекам Онеге и Северной Двине.

Тайное крещение

Матери Ярополк не знал. Она дала ему жизнь и оставила белый свет. Отца он теперь видел редко. Князь Святослав возвращался с одной охоты, устраивал пир и вдруг прямо из-за стола отправлялся на новую ловлю. Бабушка говорила:

– Искать ветра в поле.

Жил Ярополк с бабушкой.

Утром великая княгиня молилась в домашней церкви. Церковь устроили возле опочивальни, в чулане. Здесь не было окон, но и тьмы тоже никогда не было. Возле икон горели лампы, а во время службы множество свечей на серебряных круглых подсвечниках. Свечи из ярого воска, высокие. Благоуханный дымок кадила быстро наполнял церковку, дивное пение с обоих клиросов подхватывало душу, и отрок представлял себя на корабле, плывущем по сладкозвучным голосам к горнему жилищу бабушкиного Бога.

Ярополку позволяли смотреть, слушать, но ему нельзя было прикладываться к иконам, подходить к священнику, который кормил бабушку из золотой чаши золотой ложкой. В ложке вино и хлеб, но это была сокровенная пища. Вино – кровь Христа, а хлеб, чудесно превращенный молитвою, – тело Христа...

Ярополк смотрел на икону Спаса Нерукотворного и думал сразу обо всем. На этот раз отец поехал сразиться с огромным единорогом, таков был слух, а на самом-то деле в землю буртасов³¹, высмотреть их силу, а главное, дороги. В тайну Ярополка посвятил его дядька – боярин Вышата. Вышата вот уже несколько дней строит снежную крепость. Ярополка во двор не пускали, неделю тому назад у него был жар. Бабушка тоже болеет. Голова у нее седеет, как зима, – одни брови черные.

Когда бабушка болеет, у нее тревога за церкви, за иконы, за священников. Князь Святослав верует прашурам да мечу.

Мысли Ярополка кружат на одном месте. Он ненавидит хазар. Хазары убили Благомира и жрецов. Угнали в полон многие тысячи людей, и Баяна тоже. Отец поклялся на мече уничтожить хазар, а царство их превратить в пепел. Пусть ветры выдуют из степей само имя – Хазария...

Ярополку позволялось сидеть в храме. Он изнемог от горьких дум и прикорнул в уголке, на скамейке.

Ему так хотелось, чтобы кто-то приласкал его, как малого младенца. И едва подумал об этом, почувствовал на голове своей теплую руку. Теплый женский голос сказал ему:

– Радуйся!

Он открыл глаза. И увидел бабушку. Она стояла далеко от него, значит, не она возложила на его голову руку.

– Пошли ко мне! – сказала бабушка, и он пошел, храня в себе дивное тепло приснившихся руки и голоса.

Бабушкина опочивальня была продолжением храма. Стены сплошь покрыты иконами. Горит лампада. Немая, ласковая служанка Лария, топившая печь, радостно улыбнулась Ярополку. В опочивальне пахло лавандой, березовыми дровами.

– Лария, вода готова? – спросила княгиня.

Служанка поклонилась.

– Приведи отца Хрисогона и за Киндеем сходи! – Охнув, потирая спину, опустилась на скамеечку, поверх которой лежал лисий полог. – Уморилась, старая!

³¹ Буртасы – племенной союз V–XI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье. С VII в. был под властью хазар, затем Киевской Руси, ассимилировались и слились с волжско-камскими булгарами и другими народами.

– Нет! – сердито не согласился Ярополк. – Не старая.

Княгиня Ольга улыбнулась, точь-в-точь как Лария.

– Я знаю, ты любишь меня... Остались считанные месяцы, когда твой батюшка взойдет на престол великого Киева. Боюсь: храмы снова запустеют, как это было при князе Олеге, при дедушке твоём, князе Игоре... На тебя уповаю. Сохрани имя Христа для Киева, сохрани крест. От креста, от икон, от храмов – благодать и благословение нашей земле... Я прошу тебя, внук мой драгоценный, совершить тайное деяние, о котором будут знать: я, ты, отец Хрисогон да немые слуги, Лария и Киндей. Хочу для тебя вечной жизни.

Пришел священник. Истый грек, черноволосый, с черными глазами, а лицом да руками белей белого.

Лария и Киндей внесли серебряную купель.

Княгиня подала внуку длинную посконную рубаху.

– Зайди за печь, облачись. Ноги же твои пусть будут босы.

Колотилось сердце у Ярополка. Тайна, к которой его приобщали, исходила от бабушки, от великой княгини Ольги, пред которой даже византийцы благоговеют.

Священник поставил Ярополка лицом к востоку, трижды дунул в лицо, трижды перекрестил чело, грудь и, возлож десницу на голову, прочитал длинную молитву. Тихим светом наполнилась душа Ярополка, когда услышал, как просил за него Бога добрый отец Хрисогон:

– «Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви: да уразумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и Единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух...»

«Уразумел! Уразумел!» – возликовало сердце Ярополка. Затая дыхание, слушал он, как отец Хрисогон запрещает злой власти владеть им.

– «Изыди, – приказал священник сатане, – и отступи от запечатанного, новоизбранного воина Христа Бога нашего».

– Я теперь воин Бога? – спросил Ярополк бабушку.

– Ты оглашенный. Ты приготовлен к святому крещению.

Священник повернул его лицом на запад, к той стране, где пребывает тьма и сатана. Спросил:

– Отрицавши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его? – И шепнул: – Говори: «Отрицаюся».

– Отрицаюся, – повторил Ярополк.

Три раза вопрошал священник, и трижды отрекся от сатаны крещаемый.

– Отрекся ли еси сатаны? – спросил отец Хрисогон еще строже и прибавил: – Говори: «Отрекохся».

– Отрекохся! – весело выкрикнул отрок, и опять отречение было трикратное.

– И дуни и плюни на него! – приказал священник.

Ярополк засмеялся.

– И дуни и плюни! – без улыбки, но теплея глазами, повторил Хрисогон.

Ярополк и дунул и плюнул.

После молитв, трикратного погружения в освященную воду Ярополка облачили в блистающую ризу, в одежду нетления. Рубаха была обыкновенная, белая, но Ярополк почувствовал телом и душой, что белизна его новой одежды нерукотворная.

Отец Хрисогон помазал крестившегося миром³², запечатал печатью дара Духа Святого и сказал:

– Иисус Христос пошел на Крест ради нас. Он содеал христиан царями и священниками Богу и Отцу Своему. Отныне ты, отрекшийся от идолов, есть царственный священник.

³² *Миро* – ароматическое деревянное масло, употребляемое в христианских обрядах (миропомазание).

Восприемники, безмолвные Лария и Кандей, надели на юного христианина золотой крестик на золотой цепочке. Княгиня Ольга сама поднесла внуку короткий меч. На рукояти рубинами был выложен огненно сияющий крест.

– На теле тебе носить святыню нельзя, ибо крещение тайное, – сказала бабушка. – Пусть этот меч станет тебе крестом. Когда будет плохо, помолишься, и Господь тебя не оставит. Молитвам я тебя сама научу.

И посыпались искры из глаз

Великая княгиня читала с внуком вечную книгу. Каждый день главу из Библии и главу из Евангелия.

– «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина³³, и сказала: “Приобрела я человека от Господа”. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец». Запомнил? – спросила княгиня Ольга.

– Запомнил. Авель пас овец, а Каин был сеятель.

– Земледелец.

– Каин был земледелец, – повторил Ярополк. – Я знаю, земледельцы – самые любимые у тебя люди.

– Земледельцы кормят народ хлебом, – сказала княгиня Ольга и вздохнула: чтение предстояло трудное.

Так и вышло. Ярополк спросил:

– А почему Господь не призрел на дар Каина? Каин первый принес от плодов земли.

– Не нам судить Всевышнего, – строго возразила княгиня. – Каина погубила гордость. Он говорил с Господом, опустив лицо. Он посмел обидеться на Творца. Добрый Бог Отец не прогневался, Он остерег Каина от греха, а когда грех случился, защитил. Все знали, что за месть убийце взыщется семикратно.

– А где город Енох, который построил Каин?

– Неведомо.

– А где земля Нод, куда скрылся Каин от Господа?

– Тоже неведомо.

Ярополк затосковал. Ему хотелось на горку. На горке у Вышаты крепость готова. Все ждут его, чтоб под снежками, под глыбами одолеть гору стены и взять белую твердыню.

Покосился на Евангелие. Княгиня увидела во взгляде внука безнадежность и опять вздохнула. Неволить Святым Писанием хорошо ли? Но уж совсем худо – поощрять леность.

Четвертая глава Евангелия от Матфея об искушении Христа. Не хотелось, чтоб рассказ пролетел мимо ушей Ярополка.

– Прочитай сам. Вслух. Два первых стиха. На этом мы сегодня закончим.

Благодарность и смущенье отразились в ясных глазах княжича. Но прочитал он требуемое с восторгом:

– «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал». – Посмотрел на бабушку, закрыл книгу и вдруг быстро поцеловал ей руку. – Я клянусь тебе! Я никогда не стану таким, как гордый Каин.

Сердце у княгини задрожало и упало.

– Так нельзя говорить, – сказала она побелевшими губами. – Нельзя давать клятв. Кому-кому, а нам нельзя. Княжеские клятвы могут быть ложными. Помни об этом! Клятвы князя – утеха диавола.

– Ну так я не буду клясться! – легко и радостно пообещал Ярополк, торопясь облачиться в теплую одежду, чтобы бежать к Вышате, к двору.

Его встретили кликами:

– Княжич! Княжич!

– Веди, княжич! Вон как лучами-то играет!

³³ Каин – в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, который из зависти убил брата Авеля и за это был проклят Богом.

Крепость была из хрустального, алмазно сияющего льда. Ворота с башней. Еще две башни по углам. Стены высотой в полторы сажени. На стенах – крепостное воинство в черных шубах.

Вышата был в доспехах, при мече. Показал Ярополку на его воинство. Все в рыжих шубах, пояса красные, колпаки красные, красные рукавицы.

– Твоя дружина, княжич! Веди, возьми!

Перед Ярополком стояла добрая полусотня готовых к схватке молодцов. Малых ребят было совсем немного.

– Все под гору! И все на гору! – Ярополк указал рукой вниз и вверх.

У подошвы горы обступили княжича. Морды плутовские, ухмыльные: чего им, мужикам, дите прикажет?

– Вверх! Взять! – махнул рукою Ярополк на крепость.

– Крутовато! – говорили старшие, прикидывая дорогу. – Открытое место. Забьют нас снежками, княжич.

– А как на стену-то заберешься? Высоко.

Ярополк яростно топнул ногой:

– От снежков увертывайся! А чтоб на стену взойти – катай снег. За мной!

На гору пошел первым и увяз по пояс. Его тотчас обогнали, торя дорогу. Полез упрямо, досадливо обошел своих помощников, но снова увяз и был рад, когда его обогнали.

Защитники крепости улюлюкали, но снежки берегли, подпуская наступающих ближе.

На середине горы снега было немного.

– Катай комья! – закричал Ярополк, но его или не слышали, или пропускали приказанье мимо ушей.

Схватил здоровенного парня за полу шубы, дернул на себя.

– Комья катай! – В глазах ярость, а похож на котенка.

– Э-геей! – закричал тиун. – Княжич велит комья катать!

Снег мокрый, комья чересчур быстро становились огромными, непосильными. Но за этими снежными глыбами и спасались от снежков из крепости, готовили свои снаряды.

Ярополк оглядел воинство.

– Кто самые меткие? – Голос звенел петушком, тиуны улыбались.

– Мы все меткие!

– Самые меткие! – Ярополк ударил себя кулаком по бедру.

Выступило человек двадцать.

– Все со снежками идите и кидайте так, чтоб защитники головы не могли поднять...

Остальные подкатывают комья под стену с двух сторон башни. Как подкатят – забирайтесь все на стену, а защитников – в плен и – кубарем с горы!

– Слава! Слава княжичу! – закричали тиуны, подмигивая друг другу и хохоча.

Кинулись на приступ весело.

Ярополк хоть и чуял насмешку в веселости слуг, в их «Слава, слава», но решительный приступ ему понравился, все делалось, как он велел. Шел вслед за дружиной, ухмылялся: «Сметесь, а делаете по моему велению».

Бац! В глазах померкло, и среди тьмы посыпались искры. Ярополк даже нагнулся, чтобы подхватить медленно погасающий огонек...

К нему подбежали, отирали лицо. Спрашивали:

– Ты как, княжич? Не больно?

Ярополк рванулся из рук.

– Вперед! Взять черношубых! Сбросить! С горы, с горы! Сбросить!

И взяли и спустили, кого головой вниз, кого – раскачав за ноги, за руки.

Перед Вышатой Ярополк предстал с шишкой на лбу.

– Как княгине-то покажемся? – побряхтел наставник. – Князю получать раны – грех. Ярополк виновато опустил руки, но в следующий миг глаза его засверкали.

– Взяли ведь крепость-то!

– Взяли, – согласился Вышата. – Но почему ты, князь, не обошел стены? Не посмотрел, где у неприятеля слабое место?

– Я избрал самый трудный путь! И я – взял! – наливаясь обидой, вспыхнул Ярополк.

– Если бы это было под городом греков, тебя, неосторожного, могли бы поразить пращей. Не знаю, много ли уцелело бы у тебя воинов от такого приступа? Было бы с кем город брать?

– Было бы! – не согласился Ярополк. – Я напал на башню с двух сторон.

– На ворота. Где больше всего защитников помещается. Снежки, верно, не убивают... Твоих тиунов греки пожгли бы жидким огнем... О сказанном помни! Бился ты смело, сердцем. Но воевать нужно умом, – улыбнулся наконец. – Твой, княжич, ум в твоей крови живет. Ты славно придумал – комья катать. Приступал с отвагою, вон какая шишка! То тебе урок. Безумная отвага – гибельна, но быстрота – это еще одно войско. Трепещущий вождь умаляет силу дружины вдвое, трепещущая дружина – вдесятеро. – Дотронулся перстом до груди отрока, брови сдвинул непримиримо. – К крепостям нужно приступать, как к невестам царского рода. Доподлинно знать, сколько у нее приданого, много ли славы, а главное, быть женихом желанным. Прежде чем приступать, убедись: твои достоинства ставят так высоко, что твердыня покорится тебе со смирением.

Ярополк слушал, глядя в пространство. Когда Вышата кончил поучение, посмотрел на дядьку в упор:

– Ты похвалил или поругал?

Вышата достал меч из ножен.

– Завтра начнем биться не на деревянных, на железных.

Ярополк просиял.

Урок князя Святослава

Князь Святослав жил торопясь. Денно и ночью учил строю молодую дружину.

В гридни набирали по городам и весям. Коли здоров, юн, имеешь охоту к славе – наш! Могучим предпочтения не было. Святославу нравились ребята жилистые, упористые, кто мог терпеть через не могу. Таких приближал.

Зима кончилась неожиданно. В феврале. Собиралась намести снега, да по ошибке пригнала тучи, полные дождя. За три дня морось съела снег, а на прояснившееся небо солнце явилось такое горячее, весь холод вытянуло из земли, поднялся туманом и растаял.

Тотчас Заднепровье вызолотили одуванчики, и было дико: на дворе лютень, а над полями жаворонки.

Святослав со всем своим войском ушел в степь, на малые реки: воюй от зари до зари, и пропитание вот оно – рыба, птица, зверь.

Князь Святослав на волю, княжич Ярополк – под бабушкин надзор: книги читать. Второго внука, Олега, великая княгиня оставляла его матери. Третий внук – Владимир³⁴ – тоже был предоставлен матери. Ключница Малуша, когда-то нежно любимая Ольгой, жила теперь на высылках, под Изборском. Гневаться надо было на сына. Это он взял в жены рабыню, но вся неприязнь пала на голову Малуши. Стоило поохладеть Святославу к новой избраннице, как отправилась она вместе с младенцем с глаз долой.

Ярополк втайне завидовал братьям, особенно Владимиру, изгнаннику. Живет привольно, в Будутино, в бабушкиной веси. Сказывают, на лодках любит по рекам плавать.

Олега, меньшого, чуть не каждый день на охоту возят. Он, правда, только смотрит, как ловят для него зверей. Но ведь по его воле делается что он хочет.

А тут учат и учат, каждый день учат. Греки учат, бабушка учит, Вышата, печенег Куря. Печенег-то еще смеется всякий раз. «Пешеходом» дразнит. Бойтся Ярополк лошади. Высоты бойтся. Ни разу из седла не выпал, но душа замирает, когда лошадь бежит и земля, твердая, надежная, становится текучей, как вода.

Утром Вышата сказал Ярополку:

– Не прогневай великую княгиню, поучись с усердием. Собирается отпустить тебя и княжича Олега в Дикое поле на княжеские забавы, к отцу.

– Когда выезжать?! – вспыхнул нетерпением Ярополк.

– Как прикажет великая княгиня... Тебе, княжич, пора на урок. Великая княгиня ждет. Книги не были мучением для Ярополка, но его тянуло под огромное небо степи.

Книгу взял в руки с тоскою в глазах. Открыл последнюю страницу, прикидывая, сколько дней займет чтение. Княгиня Ольга сказала:

– Ты хочешь знать, чем кончаются «Деяния апостолов»? Будь по-твоему. Прочитаем последнюю главу.

Она читала, а он смотрел на нее, и мысли у него были злые.

«Ты старая! – говорил он бабушке глазами. – Ты старая!»

Но бабушка читала и читала. Это был рассказ об апостоле Павле, который спасся – от кого спасся, рассказано в предыдущей главе – и вот оказался на острове Мелит. Был дождь, Павел набрал много хвороста, разжег огонь. Тоже странно. Почему иноплеменики не привели спасшихся в свои дома? И ведь если Павел и его спутники очутились на острове, значит, они плыли на корабле!

³⁴ Владимир I Святославич (? — 1015) – князь Новгородский с 969 г., Киевский – с 980 г. Покорил вятичей, родимичей, ятвягов, воевал с печенегами. В 988–989 гг. ввел христианство как государственную религию. В русских былинах называется Владимир Красное Солнышко.

Ярополк снова подсадовал на бабушку: ну зачем она позволила читать «Деяния» с конца... И тут на руке Павла повисла вышедшая из костра ехидна, смертельно ядовитая змея.

– Бабушка, не читай! – вскрикнул Ярополк.

– Ты хочешь остаться в неведение, что было дальше?..

– Ты пока не читай.

– У тебя доброе сердце. Тебе страшно за апостола. Но будь спокоен, Господь хранит верующих в Него.

И верно, змея не ужалила Павла, он стряхнул ее в огонь.

Чтение продолжилось, и наконец бабушка закрыла книгу. А он испугался: ничего не слышал, думая о ехидне, о святости апостола.

– Твои мысли убежали в степь, – сказала бабушка и подозвала комнатного слугу Киндея. – Поспешి собрать княжича в дальнюю дорогу.

Лицо Ярополка залилось краской: он злился, томился, а бабушка желает, чтоб ему было хорошо.

...Братьев везли в крытой повозке. Так распорядилась бабушка. Ярополк хоть и дернул плечом, выказывая недовольство, но втайне был рад. Долго ехать верхом – мучение.

Олег дулся, он хотел показаться перед людьми на коне, но едва выехали со двора, пошел дождь, дождь обернулся ливнем.

В повозке сухо, тепло. Потянуло в сон. Заснули братья скоро и сладко. А ведь Ярополку хотелось поговорить с Олегом, вот только не придумал – о чем.

Олег не пробудился и вечером, когда встали в роще высоких яворов на ночлег. Ярополк сидел у костра с Вышатай, с Курей, с близкими людьми. Поужинали пирогами, взятыми в дорогу. Мужики говорили об охоте, о рыбных реках. Об удивительной весне, о небывалом, чересчур раннем прилете птиц.

– Соловьи в протальник! В первый месяц весны – диво! – сокрушенно покачивал головой Вышата.

Печенег Куря скалил белые зубы и смеялся.

– Конец старому миру! Печенегам быть первыми перед великим богом Тенгри.

Никто Куре не возражал. Куря хохотал, куражился, и Ярополку было страшно. Печенег он и есть печенег. Зубы блестят, глаза блестят, лицо веселое, злое. Князь Святослав взял Курю на службу, чтоб научил княжичей на конях скакать. А у Кури наука одна: садись – и стрелой. Лошади в Киеве печенежские, выезженные в степях. В конной дружине половина тысячи. Славяне уж так любят землю, что и сражаются в пешем строю. Надежней, когда своими ногами на своей земле стоишь.

Соловьи пели до зари, но не потревожили княжича Олега. Пробудился уже в пути и тотчас на коня пересел. Пришлось и Ярополку попросить верховую лошадь. В степи дорог нет. Через бурьяны кони идут сторожась, а как ковыли – скачут с ветром вперегонки.

Обедали под открытым небом. Еда была сладкая, княжеская. Но разговоров убывало: впереди встреча с князем Святославом.

Князь хоть и молод, да строг. После обеда княжичей везли в повозке, но верст через десять Вышата предложил Ярополку сесть на коня.

Ярополк вида не подал, но испугался: коли на коня сажают, значит, отец близко. Отец робких наездников не терпит.

Лошадь у Ярополка была смиренная, да в спине слишком широка. Стремена чуть не у самого седла.

Ярополк, боясь сверзиться, всегда левой рукой держался за седло. Куря, глядя на такую посадку, хохотал и так дергал уздой, что и лошадь его скалила зубы.

По веселому мелководью переехали реку, одолели полверсты густого ракитника и очутились перед тремя рядами холмов. На этих холмах шла жаркая битва... Вот только вместо противника – белые, из ошкуренных раkit – столбы.

Воины густым строем шли к вершине первого холма. Шагов за сорок от столбов каждый метнул по одной сулице. Эти легкие короткие полукопья-полудротики вонзались в столбы с такою силой, что было слышно, как древки звенят, колеблясь, будто струны.

Воины пробежали вверх еще шагов десять, еще раз метнули по сулице и, ошестинясь длинными копьями, кинулись на вершину.

Троекратный крик победы – и дружина хлынула вниз с холма, чтоб с ходу одолеть другую вершину, сплошь заставленную щитами.

С подошвы второго холма каждый воин пустил по три стрелы, и приступ повторился. Сначала метали сулицы, потом взбегали на вершину, ударами копий поражая щиты.

Третий холм одолевали со щитами и мечами. И там, на третьей вершине, дружину вдруг встретила другая дружина, вооруженная длинными копьями. Копья были тупые, но получивший удар валился с ног, а иной катился под гору. Все, однако, поднимались и снова из последних сил шли, чтобы одолеть холм.

Захваченный зрелищем, Ярополк не увидел отца.

– Ты что на коне крючком сидишь? – сказал князь Святослав, ударяя сына ладонью по спине. – Погляди на Олега. Что? Хорошо воюю? А теперь покажи, чему тебя научили. На мечак бьешься?

Ярополк мотнул головой.

– К бою!

Княжич выдернул правую ногу из стремени и замер: до земли далеко, а Вышата, такой всегда проворный, не подскочил принять на руки. Пришлось спрыгнуть.

Бился Ярополк со своим же учителем голыми мечами. Нападал свирепо, рубил яростно, сплеча, держа оружие двумя руками. Сталь звенела.

– Дай мне! – Князь Святослав взял меч у Вышаты. – Вперед, княжич!

Ярополк подустал, но перед отцом слабости никак нельзя показать. Сек мечом меч, будто это был лютый Змей Горыныч. И вдруг в грудь ему ударило острое.

– А умирать тебя не учили? – Отец смотрел грозно, но в глазах была тревога.

Опустил меч. Ярополк дотронулся до груди. Ладонь красная.

– Что же ты без железной рубашки? – Святослав глянул на Вышату. – Перевяжи. Княжич, выше голову! Пусть царапина, полученная от руки отца, станет твоей единственной раной в жизни.

«Он мог убить меня! – с ужасом подумал Ярополк и бешеными глазами поглядел на Вышату. – Почему плохо учил?»

Но сказать вслух ни слова не посмел.

Сны на кулаке

Горели костры. В котлах варился кулеш: еда князя Святослава и его воинов.

Кулеш, одобренный закатной зарею, был вкусней дворцовых яств. Кулеш запили квасом, побаловались сушеной рыбой. Спать укладывались на земле, под открытым небом.

Ярополк с Олегом прикорнули на медвежьей дохе, укрытые ласковым, лебяжьего пуха одеялом.

Святослав поднял детей:

– Поехали звезды встречать.

– Не разбередить бы рану! – испугался Вышата.

– Хочешь со мной? – спросил князь Ярополка.

– Хочу.

– Вышата, покажи рану.

Меч рассек мышцу над левым соском.

– Не глубоко, но левой рукой лучше пока не двигать.

– Потерпит.

– От скачки будет кровоточить...

– Ночная езда покойная, – сказал Святослав. – Привыкай, сын, в седле раны возить, коли боги попустят. Скорей заживают.

С князем и с княжатами поехали бояре Вышата и Блуд, печенег Куря, варяг Икмор – телохранитель Святослава.

Копыта коней обвязали звериными шкурами, чтоб не стучали, не будили уставших воинов. Ехали шагом. Ярополк, боясь нечаянным движением потревожить больное место, сидел в седле прямо, не хуже Олега. Князь приметил это, улыбнулся.

Тяжелая ночная птица низко прошла над рекою, схватила когтями рыбу. Прянула в ту сторону, откуда надвигалась громада ночи. Засвистал соловей, князь недовольно покосился на ракитник, повернул коня в степь.

Ехали по темной земле к светлому немеркнущему небу. Темный курган медленно поднялся из недр и все возрастал, заслоняя небо и свет.

Звуки становились глуше. Когда подъехали наконец к огромному кургану, степь разразилась молчанием.

Стреножили коней. Святослав взял Ярополка и Олега за плечи, чуть подтолкнул – так подкидывают птиц, чтоб летели.

Отроки побежали, упорно, молча, не оскорбляя криками тишину. Рана напомнила Ярополку о себе, но он не остановился и на вершине был первым. А звезду раньше других увидел Куря.

– Око бога Тенгри! – расколдовал Куря молчание.

Святослав указал на золотисто-розовые лучи, вдруг проступившие на небе:

– Я поведу вас всех туда. Там день, а нас уже поглотила тьма ночи.

– Князь, но солнце взойдет раньше над нами, – возразил Вышата.

– Что будет здесь и как будет, я знаю, я не знаю, что и как там.

Варяг Икмор достал из ножен меч, поцеловал лезвие.

– Там, князь, работа моему кормильцу. Много работы.

Куря ударил рукоятью короткого кнута по каблуку.

– Не заглядывайся на чужое, Икмор! В том краю мои кочевья.

– Нет, – возразил Вышата, – твои кочевья, Куря, ближе к полдню. Твои люди уже спят.

– Мои кочевья будут там, там и там! – Куря тыкал рукою в пространство.

– Печенег! – осадил Курю Святослав. – Ты бы лучше свой долг наконец отдал. Когда пригонят твои печенята тысячу коней?

– Пригнали бы хоть завтра! Да ведь для вас коней нужно объездить, чтоб были смирными.

– Помолчим! – приказал князь. – Тот, кто спит в кургане, не терпит пустых слов... Звезды вошли – езжайте все в лагерь. Буду спать здесь.

– Я принесу тебе, князь, седло, – поспешил услужить Блуд.

– Зачем? – Святослав показал кулак. – Вот моя подушка. Сожмешь – будет выше, раскроешь пальцы – будет мягко.

Ярополк и Олег подошли к отцу, он их обнял:

– Подъем вместе со всеми. Все, что делают воины, будете и вы делать.

Долгим взглядом посмотрел в лицо Ярополку.

– Болит?

– Течет.

Святослав бережно снял с сына кафтан, рубашку.

– Течет... – Кинул на землю свой плащ. – Ложись, а ты, Олег, помочись на рану. Моча мальчиков целительна.

Рану снова закрыли, перевязали.

– Икмор, заночуй с Ярополком у подошвы кургана. Вы же все поезжайте в лагерь, чтоб не поднялась тревога.

Подобной ночи в жизни Ярополка еще не бывало.

Грозный воин Икмор постелил на земле свой грубый плащ, наломал две охапки полыни – под голову. Расстегнул пояс. Меч положил под правой рукой, боевой топор – под левой, расстегнул ворот рубахи.

– Спокойной ночи, княжич! – Лег и заснул.

Ярополк тоже снял пояс, положил свой короткий меч под правой рукой, расстегнул ворот, опустил голову на духмяную подушку.

Так много произошло в этот день!

Дружина, волнами льющаяся через вершины холмов, бой с отцом, ранение, ночная езда, курган, Икмор...

На другой стороне кургана ветер шарил по земле, наверное, искал варяга и княжича. Звезды придвинулись, и Ярополку почудилось: это добрый Вышата накрыл его одеялом. Одеялом из сверкающих звезд.

Хотел улыбнуться и не успел, нырнул с головой в сон. Во сне была ночь, степь и курган. Ему сказали: «Вот твоя ноша». Он взял два камня, положил на плечи и понес на вершину показать камни отцу. Сначала обрадовался: «Рана не болит», но с каждым шагом камни становились тяжелее, тяжелее. Они хотели раздавить его, и он выскочил из-под них. Камни грохнулись, проломили землю, и в его руках остались два пояса. Камни были перепоясаны. Он потянул, и проломившая землю ноша поддалась. Но выволок он из ям не камни – два тела. Он не видел тел, но знал – это братья. Он потащил братьев наверх, но одно тело стало таким тяжелым, что пальцы у него разжались, и он выпустил пояс. «Этот мертв», – сказали ему. Тогда он взвалил другое, живое тело на плечи, на шею... Побежал, спотыкаясь, выше и выше. И очутился перед дверьми.

«Мне сил не хватит отворить эти двери», – подумал Ярополк с тоской, но двери отворились сами собой, а за дверьми стояла крошечная черная туча. «А в туче молния», – подумал он, переступая порог. И тут сверкнуло! Две молнии с двух сторон пронзили его. И он даже закричать не смог.

Проснулся... По небу летела звезда. Он проводил ее глазами до горизонта и снова заснул.

Князю Святославу тоже был сон. Ему приснилась огромная птица. Птица закрыла крыльями небо. На земле стало темно. И достал он лук, наложил стрелу на тетиву, но птица сверк-

нула грозным огненным глазом и полетела прочь. Он же стремглав сбежал с кургана, мечом рассек пути на ногах коня и поскакал за птицей. И догнал! И снова был под сенью ее ужасных звенящих крыльев. Так звенят стрелы, пущенные разом двумя многотысячными войсками. Увидел вдруг: он мчится через сонмы людей, заполонивших землю от одного края до другого. Люди валились под копыта послушно, как снопы, а он не мог найти узды, чтобы остановить коня. И тогда он его пришпорил.

Птица, летевшая над ним, опустилась еще ниже и увенчала ему голову золотой шапкой. Шапка пришлась впору, но голова качнулась от неимоверной тяжести, шея хрустнула и сломалась, как какой-нибудь цветок. Голова упала на землю, покатилась, и Куря, неведомо откуда взявшийся, схватил голову, целовал в мертвые губы и хохотал, хохотал...

Князь переборол сон, проснулся. Из черного пространства золотого Большого Ковша вспыхнула, наливаясь зеленым огнем, неведомая звезда. По зеленому пошло красное, ярое, и вдруг звезда померкла. Еще раз вспыхнула. Еще раз, и на том чудо иссякло.

Святослав потянулся, зевнул, повернулся на правый бок, подложил под голову кулак десницы и заснул.

В ярме

Трава на трех холмах была вытоптана. За ночь пыль не успевала осесть, а на заре уже шли в гору рядами дружины, вздымая к небу черное облако. Хороша была земля на тех холмах, рожать бы ей да рожать, но князь Святослав вел свой род не от пахарей, не от Микулы Селяниновича.

– Может, поискать другое место, зеленое? – предложил Вышата князю.

Святослав рассердился.

– Помнишь, какая земля у ромеев³⁵? Где не полита водой, там голая. Пусть войско научится биться чихая.

– У ромеев земля крепкая, а здесь ни зги не видно.

– А ежели такое случится в лютую сечу?! – вскричал Святослав. – Если ветер пыль погонит нам в лицо?

– Княжичей бы не затоптали, не обидели, – отступил Вышата.

– Пусть лучше теперь затопчут, чем в князьях вместе с княжеством.

Вышата поник, и Святослав обнял его. Головой приник к голове.

– Се не робята! Се князья! Без привычки княжеская ноша задавит. С княжичами варяг. Да вон они, видишь?

Ярополк шел от Икмора по левую руку. Это был третий подряд приступ, и сквозь пыль проходили уже как через стену, осязаемую, хотя и зыбкую.

– Морока! – ворчали воины.

Налетевший ветер вытянул пыль косяками, и вершина со столбами забрезжила совсем уже близко.

– Рази! – послышалась команда.

Ярополк перехватил сулицу левой рукой, торопливо вытер о штаны взмокшую ладонь правой.

Сулицы метали не разом и не как придется, а в очередь с левого фланга. Правый фланг еще только приготовлялся к первому броску, а с левого уже метали по второй сулице.

До столбов было сажень двадцать – двадцать пять. У княжичей дротики были полегче, покороче, нежели у воинов, но добросить их до цели было невозможно. Никто этого и не требовал. Метнул без задержки – и славно.

Ярополк трепетал, ожидая свой черед. Когда сосед слева размахнулся, закричал, пустил сулицу всею тяжестью тела, княжич кинулся вперед, заводя руку с дротиком за голову, метнул что было в нем силы и, устремясь за своим оружием, не удержался, упал в пуховик перетертой ногами земли.

Снизу вверх метать мудрено. Да только железнюкловая птица, пущенная детской рукой, взмыла как положено, клюнула столб в самое подножье, зазвенела, как звенели все прочие птицы-сулицы.

– Я попал! Попал! – закричал Ярополк, бросаясь к Икмору.

– Как ты смел покинуть строй? – сказал ему суровый варяг.

Ярополк обиделся, он чувствовал себя победителем.

Когда войско одолело все три вершины и воины возлегли на берегу реки, чтобы перевести дух, князь Святослав поставил сына, нарушителя строя, перед судом воевод и витязей.

Вышата удивился и вознегодовал:

– Как можно судить отрока за его желание быть ровней мужам? Как можно судить человека за поправление закона, если он не ведал закона? Как можно спрашивать с княжича, вчера

³⁵ Ромеи – В X в. византийцы считали себя римлянами, по-гречески – ромеями.

покинувшего женскую половину дома? Как можно спрашивать с ребенка, равняя его с мужами славы?

Вышате ответил сам Святослав:

– Стремление отрока походить на витязя – отцу отрада. Но вставший в строй, кто бы он ни был, есть звено цепи. Самая прочная цепь перестанет быть цепью, разорвется, уронит свою ношу, если хотя бы одно звено окажется в ней некрепким. Князь да не ведает младенческой неги, ибо он – князь. Если нестроение исходит от князя, как тогда спрашивать с тиунов и даже со смердов? Малые годы, малое знание – не освобождают моего сына, князя, от спроса за деяния.

Ярополк стоял перед грозными великими воинами, совсем крошечный, со взъерошенным хохолком над черным от пыли лбом. Все молчали. Тогда поднялся Икмор:

– Княжич метнул сулицу удивительным образом. Такому метанию нашим воинам следовало бы учиться... За нарушение строя – виновен, за желание поразить врага – достоин награды. Можешь ли ты, княжич, сказать что-то в свое оправдание?

Ярополк вздрогнул, поднял глаза, полные слез. Сказать ничего не смог, но ни единой слезинки не уронил.

Витязи сначала добродушно улыбались, а потом смутились. Святослав сказал:

– Для снисхождения и для прощения у моего сына слишком много причин. Но у каждого виновного слишком много причин быть понятым, а потому приказываю: наденьте на шею сына моего, княжича Ярополка, воловье ярмо и проведите перед воинами. Пусть воины отпустят ему вину и пусть знают: в строю все равны. Славу строй делит поровну, а за позор каждый отвечает перед каждым.

Олег расплакался, когда брата увенчали ярмом и провели перед ратниками. Ярополк поклонился каждому воину, и каждый отдал ему поклон.

Святослав сам снял ярмо с сына, бросил в очистительный огонь костра.

Авадон

Земля была сухая. Спали на земле, не подстилая даже плаща. Вышата страдал за Ярополка и еще больше за Олега, но князь Святослав был неумолим.

– Земля мягче любой перины! – говорил он воеводе. – Ветер – лучше любого одеяла. Тучи как бараний тулуп. Нет туч – одевайся звездами.

Дождь пошел ночью. Вышата хотел поставить шатер, но Святослав не позволил. Спящих Ярополка и Олега укрыли сеном, и спалось княжичам еще слаще, чем под звездами. Пыльная взвесь улеглась, воздух очистился, земля, напоенная влагой, благоухала.

Утром князь решил испытать войско на выносливость. Был устроен трехдневный пеший поход в степь и обратно, с малым отдыхом после каждого часа ходьбы, с часовым обедом, с тремя часами сна. Князь шел вместе со всеми, а княжата и пожилые воеводы ехали на лошадях.

Когда войско вернулось в лагерь, холмы опять зеленели.

– Всем отдых! – приказал Святослав.

Дружинники кинулись в реку, терли друг друга зеленым мылким илом, смывали с себя версты, усталость, злость.

А за холмами воинов ожидали нечаянные радости.

На лугу стояли шатры, в шатрах дожидались мужей жены, холостых – гуляющие девицы.

Пир был приготовлен на весь мир. Жарили быков, баранов, свиней... Мед, брагу, пиво – доставили в бочках.

Ярополка и Олега отмывали от грязи горячей водой, натерли благовонными маслами, одели в чистое платье. Обоим отец подарил красные сапоги.

«Как на иконах бабушкиных», – подумал Ярополк.

– Привыкайте к царской обуви, – сказал Святослав, усмехнувшись.

Себе подарков князь не приготовил, но Куря расстарался. Печенегі пригнали тысячу давно обещанных коней.

От печенежского илька, отца Кури, был особый дар – троица дивных коней. Один серебряный, как зима, другой черный, будто ночь, третий – золотой.

Куря сам подвел коней Святославу:

– Выбирай, князь! Избранник будет тебе другом.

– Рыже-ярый! – указал Святослав на коня, зажатого с двух сторон белым и черным конями.

Куря захохотал:

– Кобылица, князь, для дальних походов! – Подал повод: – Садись! Езжай!

Святослав протянул руку, но кобылица зашипела по-змеиному, вытянула, изогнувшись, шею, клацнула зубами. Князь едва руку успел отдернуть.

– Дивного зверя выбрал! – хохотал Куря.

– Необъезженная?!

– Необъезженная... Смири дикую волю, будет служить тебе, пока жива.

– А на что ты у меня, Куря? Садись, а я посмотрю, как покоряют печенегі свирепых коней.

Куря поклонился:

– Готов послужить тебе, князь, всем сердцем. – Снял пояс с кинжалом, зыркнул глазами на своих: – Плеть с тремя жалами.

Ему подали плеть.

– Отойди, князь, подальше!

Взобрался на черного коня, принял узду рыжего, изготовился, прыгнул на спину кобылице, и в тот же миг рыже-ярая взвилась, как Змей Горыныч, как медведь из берлоги, как тетерев из-под снега.

Кидаясь из стороны в сторону, пламенея гривой, кобылица закружилась, норовя схватить зубами ненавистного всадника. Стрельнула всеми четырьмя ногами в воздух, опустилась на передние, высоко вскидывая круп, и тотчас на дыбы. И пошла, пошла, колотя передними копытами небо. Скок у кобылицы был зело легкий, долгий. Парила над землею. И была скачка. Будто камень пустили из пращи. И на самом бешеном движении – на четыре ноги, как вкопали. Взмыл Куря птичкой, но не расцепил рук на лебединой шее. Колесом перекрутился и снова на спине.

Завизжала кобылица, как раненая. Кинулась, не взвидя света, в степь смыть с себя обидчика потоками пространства. Нескоро воротились обратно. Но воротились наконец. С лошади падала наземь пена. Куря улыбался.

– Без плетки, князь, объездил. Вот уж зверь! Зубами плетку вырвала и перегрызла. Напои зверя, князь. Запомнит доброе.

Святослав подал кобылице ведро с подогретой медовой водой, забеленной мукою. Осушила, как пьяница.

– Каким именем наречешь? – спросил Куря.

– Именем? Авадон.

– Не помню такого слова...

– Се дух. Держит ключи от бездны. Губитель.

– Кого же ты собрался погубить, князь?! – вскинул лохматые брови Куря.

Святослав принял у него узду. Отирал лошадь мягкой тряпицей, дал с ладони кус хлеба, густо посыпанный солью. Наконец сказал:

– Губить будем врагов Руси.

Молитва великой княгини

Княгиня Ольга смотрела на княжичей, гневно страдая.

– Что он сделал с вами? Вы черные, как африканские слуги василевса.

Ярополк упрямо молчал, Олег же подбежал к бабушке, ткнулся лицом в ее колени.

– Мы были как воины! – сказал Ярополк.

Великая княгиня вдруг улыбнулась:

– Ярополк! Грозный мой внук! Как же ты похож на вещего Олега...

Лицо у нее стало вдруг жестоким.

– Твой прадед на титулы не покушался. Он почитал себя блюстителем княжеского места, но властью не делился. Нет! Ни в чем!.. Твой дед, князь Игорь, долго ждал. Оттого-то и кинулся за птицей Славой торопясь. Много раз упускал эту дивную певунью. И все же изловил. У тех же непреступных стен Царьграда, что и вещей Олег.

– Я тоже буду вещей! – выкрикнул Олег.

Ярополк зыркнул сердитыми глазами на брата.

Княгиня Ольга улыбнулась.

– Вещим нарекают люди... За великие деяния, за справедливость, за мудрость. Ваш прадед клялся на мече, был язычником, но жил праведно. Волхвов не любил, хотя ему многое было открыто. Читал судьбу человека, словно книгу. Я молюсь о нем. – Княгиня поднялась, перекрестила внуков. – Ступайте по своим веселым делам.

– А у тебя дела невеселые? – спросил Ярополк.

– Старым людям веселиться недосуг. Государям – тем паче, забота на заботе.

– А ты своему Богу помолись! – предложил Ярополк.

– Нашему, внучек, нашему... Я помолюсь. Да благословит тебя Господь в плаванье по водам.

Олега отвели на женскую половину дома Святослава, к матери, а Ярополк с Вышатою поехали на Днепр. Их ждали струги. Полтысячи стругов должны были через три дня прийти в условленное место, дожидаться войско Святослава, взять его и вернуться в Киев.

Едва убрали сходни, как бритоголовые, с чупрынами гребцы ударили веслами по воде. Ярополка качнуло, и он припал грудью к борту, чтобы не упасть. Запах великой воды, чистой, как слеза, охватил его тело, его душу. И он сказал себе: «Не кони – струги! Я буду ходить с Баяном на стругах».

И обратился сердцем к далекому другу-пленнику: «Баян! Войско моего отца изготовилось. Жди меня. Я приду за тобой!»

Вышата позвал Ярополка на скамью на самом носу струга.

– Давно не хаживала Русь за море. Из этих, – указал на гребцов, – никто еще не изведal морской волны. Великая княгиня Ольга, правда, навевывалась в Царьград, но не за добычей. За крестом... Три дюжины стругов было с ней. Крест любит мир. Не продувает?

Накинул на плечи Ярополка волчью шубу, с волчьей башкой вместо воротника.

– Как идут-то красиво! При дедушке твоём, при князе Игоре, на десяти тысячах стругов за море ходили. В море тесно было. Слава, слава Перуну! Хорошие времена грядут.

– Иные времена грядут, – сказала в то же самое мгновение великая княгиня Ольга, опускаясь на колени перед иконой Богородицы Путеводительницы. – Богородица! Благодатная! Пришло время возложить бремя власти на молодые плечи юного сына моего, христианке вверить царство язычнику. Богородица! Заступница! Не оставь князя Святослава, кровь мою. Не оставь Русь! Мы, избранные Тобою, пьем из животворящей чаши святой веры кровь Христову, едим тело Его. Что будет с нами? Богородица! Умоли Господа, Сына Твоего, да не испепелит гневом Русь за отступников, которые объявят вскоре об отпадении от Христа, угождая князю

земному. Не Христу, но мечу будут служить... Смилуйся! Отдаю себя воле Божьей, веруя – просветится Русь светом Фаворским. По милости Господа, Его Промыслом не истукану из полена, но Живому Единому Богу поклонятся веси и города русские. Как река, идущая в море, так и народ мой потечет ко Господу. Да выбелит Христос черное, да приведет Русь к Своему Кресту, и будь свята во веки веков. Богородица! Верую! По милости Твоей, по Твоему благословию да будет каждый, рожденный на этой земле, наречен Господом Богом православным.

Плакала неудержимыми слезами.

Наплакавшись, затеплила лампаду перед иконой «Спаса в Силах», прочитала молитву об умножении любви:

– «Владыко Человеколюбие, Царю веков и Подателю благих, разрушивший вражды средоточия и мир подавший роду человеческому, даруй и ныне мир рабам твоим; вкорени в них страх Твой и друг ко другу любовь утверди; угаси всяку распрю, отыми вся разногласия соблазны. Яко Ты еси мир наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Поцеловала край иконы и соскользнула по стене на пол. Но то не было беспамятство. Ей чудилось, она летит, парит, осеняет огромными, отросшими вдруг крыльями землю, Русь.

Поход на стругах

На стругах развернули паруса. Полетели струги, как птицы, как чайки.

Обедали солониной, хлебом с луком, квасом. Насытившись, нежились на солнце. Было бы горячо, да ветер жару прочь гонит. Ласково под сильным дуновением, а оно до того впрок парусу – звенит. Гребцов объял сон. Вышату тоже сморило. А Ярополк не мог сомкнуть глаз.

По левую сторону Днепра – степь без конца. Степь и синее поднебесье, по другую руку – горы, дубравы, вишневые рощи. Волна бьет в днище, струг сердито погуживает.

Опершись спиной о носовую гребень, Ярополк глядел на струги, идущие друг за другом. Пытался представить не полтысячи, а десять тысяч... Как ужаснулись, должно быть, греки, когда под стены Царьграда явилась такая страсть! Десять тысяч стругов с войском!

Сжимая глаза в щелочки, всматривался – нет ли где какого знака от вешего Олега, от князя Игоря... От Аскольда³⁶? Вниз по Днепру хаживают за славою, вверх – за славою и с добычей.

Какая она, слава? Чудо-рыба? Чудо-птица? Или одни только песни?

«А даст ли бабушкин Бог мне, крещеному, быть за морем?»

Ярополк рассматривает лица спящих воинов-гребцов. Смогут ли одолеть хитрых греков? У греков жидкий огонь, у греков непробиваемая броня. Греки воюют верхом на конях... Почему бабушка не любит славы, а любит мир? Плачет, боится завтрашнего дня... «Князь Святослав – война» – так все говорят. Все ждут, когда бабушка отдаст княжеское место сыну...

– Война, – вслух произносит Ярополк.

Закрывает глаза, и вот уже пыль столбами. Надо лезть на холм, и еще раз, и еще, еще... Но это не война. На войне будет кровь, будут убитые. Будут кричать, в кого стрела попала, кого копьем проткнули...

Он видел раненого на охоте. Вепрь распорол клыком ногу тиуну. На земле была черно-красная лужа, и сначала раненый кричал. Потом, когда ему зашивали рану, скрипел зубами, а потом, когда везли, стонал...

С воды поднялись большие белые птицы. Полетели низко над водой, крылья, как весла. Мах, мах, мах!

– Лебеди, – сказал пробудившийся Вышата. – Ты бы подремал, княжич.

Ярополк послушно лег на дно струга, на овчину. Заснул, глаз не успев смежить.

«Лебеди, – говорил он во сне. – Лебеди!»

На ночлег стали возле русла тихой, почти не текущей реки. Ловить рыбу сил у гребцов не было, заварили клецки, похлебали, легли спать.

А Ярополк день с ночью перепутал. Выспался. Вышату тоже сон не берет. Предложил воспитаннику:

– Пошли, княжич, поглядим на потаенное. Как земля во тьме бодрствует.

Но тьмы не было. Небо на востоке светилось, как светится белая стена от светильника. Свет небольшой, но покойный, ясный. Точно такой же свет лежал на воде тихой реки.

– Что это? – удивился Ярополк.

Трава на берегу закачалась, зашуршала. Вода стала виться змейками.

– Да это же и есть змеи! – тоже удивился Вышата. – На другой берег поплыли, во тьму. Но темно теперь там, где скоро загорится новая заря.

– Что это? – снова спросил Ярополк.

Голова с крыльями висела совсем близко от них.

³⁶ Аскольд (? — 882) – древнерусский князь, по преданию, правил вместе с Диром в Киеве, в 866 г. осаждал Царьград, был убит князем Олегом.

– Сова.

Сова метнулась куда-то в сторону и опять повисла совсем рядом. Зеленым кошачьим огнем сверкнули жуткие круглые глаза. Ярополк схватился обеими руками за руку Вышаты.

– Охотница! – спокойно сказал наставник. – Мышей выглядывает.

Сильно плеснуло на реке. Ярополк вздрогнул.

– Щука. – Голос Вышаты был до того спокойный, что все страхи княжича тотчас и растаяли.

– А где же потаенное? – спросил он, и в голосе задребезжали колокольцы комнатного баловня.

– Потаенное открывается не всякому, – сказал Вышата строго. – Земля знает, кто любит ее. Кто умеет смотреть... Смотри, еще одна змея плывет. Погляди, какая змеина!

Змея словно слышала, что о ней говорят. Опять два глаза, на этот раз огромных, полыхнули зеленым мертвенным огнем.

– И вон еще! – показал Ярополк на фосфорические огоньки в степи.

– Лисы, – определил Вышата. – У волка тоже так глаза горят, но это – лисы. Видишь, от земли как низко. Лисы.

Ярополк задремал и заснул. Вдруг что-то шлепнуло по воде. И он увидел, как, трепеща по-пчелиному крыльями, плюхнулся на воду рядом с уткой большой, изумрудноголовой селезень. И он, и она принялись окунаться с головою, охорашиваться.

– А яиц утка не спешит класть, – сказал Вышата, – хоть и тепло, как летом. Ждет своего времени.

Вдруг в воздухе мелькнуло что-то большое, бесшумное.

Раздался отчаянный плеск. Ярополк успел углядеть распластанные крылья, а утка исчезла. Разиня селезень закричал, взлетел, как пущенный из лука, умчался прочь от страшного места.

– Сип, – сказал Вышата. – Вот у кого надо воевать учиться. Высмотрел издали, напал, унес.

– Пошли спать, – сказал Ярополк, обидевшись на весь белый свет.

– Пошли, – согласился Вышата и легонько обнял своего питомца: ранимое сердечко.

Такое сердце – князю обуза.

Снова струги летели на парусах по волнам расхолившегося Днепра. Но в полдень ветер сник, паруса увяли, и за дело взялись заскучавшие гребцы. Ярополку показалось: корабль движется еще скорее, чем под парусом.

Вечером увидели трех всадников: то был боярин Блуд с воинами. Лошадей поместили на струг со стойлами, а сам боярин взошел на первую ладью.

– Весть от князя Святослава! – объявил Блуд Вышате. – Идти вам до Священной рощи, к Семи Дубам.

– Еще день пути, – прикинул расстояние Вышата.

– Князь приказал: как придете, пусть струги развернутся и будут готовы к обратному плаванью.

Блуд сел рядом с Ярополком, меч в ножнах положил на колени. Рукоять похожа на хвост ласточки, выложена кроваво-огненными рубинами, ножны сияют зелеными камешками, как глаза ночных зверей и птиц. Через всю рукоять какое-то таинственное иноземное плетение.

– За этим мечом мой отец ходил с твоим дедом, князем Игорем, в Царьград, – сказал Блуд княжичу. – А имя мечу – «Светоносец»! Смотри!

Потянул из ножен, показал греческую надпись, вытравленную, вызолоченную от рукояти вниз до желоба.

– Мне сдается – это второе имя твоего меча, – сказал Вышата, указывая на вязь арабских букв. – Вот оно – первое. Не спрашивал у купцов, что написано?

– Зачем выставлять друга напоказ! – Блуд резко задвинул меч в ножны. – Это я княжича уважил. Пусть знает: «Светоносец» всегда готов прийти на помощь мечу их светлости... Какое имя у твоего?

Ярополк покраснел. У коротенького легкого детского меча имя было птичье.

– «Синица».

– «Синица»?! – весело удивился Блуд.

– Меч княжича мал, да удал, – сказал Вышата. – Волос рассекает. «Синицей» назван неспроста. Когда сечет – свистит.

– Мой тоже носит имя по праву! – рванул из ножен, поднял, и меч на солнце просиял, пуская лучи с лезвия.

– Светоносец, – согласился Вышата.

Ярополк невольно протянул руку к мечу. Блуд дал княжичу подержать древнее свое оружие.

Гребец с белой, как просьяная солома, головой крикнул боярину.

– Сияет твой меч не хуже алмаза, это верно. А вот крепок ли, как алмаз?

– Давай кинжал! – вспыхнул Блуд.

Гребец по имени Варяжко достал из ножен кинжал. Блуд бросил оружие на крепкий носовой настил.

– Не жалко?

Варяжко развел руками – что поделаешь.

Блуд страшно размахнулся, ударил, развалил кинжал надвое.

Гребцы подходили, брали половинки, удивлялись.

– Ведь не сломал. Перерезал!

Ярополк глаз теперь не сводил с ножен, в которых покоился дивный «Светоносец».

А караван стругов сбавил ход. Вечерело. Выбирали место для ночлега.

Снова ели клецки. Шатров не ставили.

В плаванье пустились вместе с зарей. Сначала под парусом, потом на веслах.

Увидели вдруг лодчонку, мчащуюся к берегу. Лодка врезалась в песчаную отмель, и через несколько мгновений двое рыбаков были на конях и галопом уходили в степь.

– Печенег! – Блуд хищно раздувал ноздри.

– Рыбу ловили, – сказал Вышата добродушно. – Вон и сеть стоит.

Подгребли поближе, достали сеть: улов на диво. Решили ухой побаловаться. Пристали к берегу, рыбу в котлы. А сеть опять поставили, чтоб печенег не очень-то обиделись.

После обеда гребли вальяжно, неторопко. До Священной роши, до Семи Дубов оставались считанные версты. Ветер дул супротивный, но могучий ток воды нес корабли, как задремавших качек. Гребцы ветру даже радовались:

– Пусть разгуляется. Обратная дорога будет легче.

Вещий дед Боровик

Князя Святослава и его дружины еще не было. Боярин Блуд принялся командовать гребцами. Приказал варить кулеш, печь в кострах лепешки с мелко нарезанной солониной, и не только для себя – на всю дружину.

Вышата взял двух коней Блуда, поехал с Ярополком к Семи Дубам.

Эти семь древних великанов росли в двух верстах от Священной рощи.

Навстречу всадникам вышел худенький отрок в огромной шапке.

– Как гриб! – удивился Ярополк.

– Это и есть гриб, дед Боровик.

– Дед?!

Только подъехав ближе, княжич разглядел, что у маленького худенького человечка седая борода.

Дед Боровик был в белой рубахе, а дивная шапка, похожая на шапку гриба, оказалась лубяная.

– Слушай, что он скажет, – быстро прошептал Вышата. – Что скажет, то и будет.

Дед Боровик еще издали поклонился всадникам, показал крошечными своими ручками на деревья.

Спешились, привязали лошадей к столбу.

– К прашурам ступайте, к прашурам! – крикнул дед Боровик, приближаясь. – Выи у вас гордые, да ведь и дубы не простого звания. Се – царь-дубы. Не токмо князю Олегу да князю Аскольду листьями шумели, но и князю Кию³⁷ и самому скифу Колоксаю, коему дались и огненный плуг, и огненная секира, и чаша яропламенная.

Друг от друга дубы стояли неблизко, а кронами соединились в единый шатер.

– Вон на том камешке посиди! – показал Вышата на выступавший из земли плоский белый камень, заросший зеленым нежным мхом.

Ярополк подошел к камню, дотронулся ладонью до мха. Нежный, теплый. Сел. Вышаты не видно. Одного оставил.

«О чем же надо думать? – встревожился Ярополк. – О важном, но о чем? Почему Вышата ничего не сказал...»

И вдруг ахнул: не грех ли у дубов судьбу пытаться, когда крещен, когда знаешь: весь мир – творение Единого Господа Бога.

Поглядел на дубы. Необхватные. Пятеро тиунов не обхватят, а тот, что чуть в стороне – десятеро не обхватят.

Вдруг листья сильно зашумели, словно кто-то схватил дубы, как веник, и встряхнул. Уже в следующее мгновение все было тихо, и Ярополк обомлел. Он прозевал вещий говор листьев.

Беспомощно оглянулся и увидел у ближайшего дуба деда Боровика. Гриб и гриб.

– Не много тебе нашумлено, – сказал дед и покачал шапкой. – Ну, уж сколько есть. Помни, дивный отрок, коли не побережешь брата, брат тебя тоже не побережет...

Ярополк увидел прошлогодний желудь на земле. Темный, тучный...

– Можно взять? – спросил он деда, а Боровика уже не было.

Ярополк сошел с камня, поднял желудь. Тяжелый, в ладони едва помещается.

Выбежал из-под зеленого свода.

– Вышата! Смотри, какой желудь!

Вышата отвязывал лошадей.

– Скорее, княжич! Войско идет.

³⁷ Кий – легендарный основатель Киева вместе с братьями Щеком и Хоривом, первый его правитель.

- А желудь?
 - Возьми.
 - А где дедушка?
 - Дед вещий. Сам знает, где ему быть. Скорее, скорее...
- Скакали к реке галопом. Определили князя Святослава.
Ярополк сказал Вышате:
- Я Благомира любил. Скорее бы отец шел на хазар. Там Баян в плену.

Бег по реке

Князь Святослав не пришествовал, прибежал на берег Днепра. Тотчас все пешее войско погрузилось на струги. Конница и табуны пошли берегом. На струги взяли только трех коней, подарок Кури.

Ветер дул попутный, подняли паруса, но гребцы тоже были на веслах. Князь приказал быть в Киеве на другой день в то же время, как отплыли. Корабельщики переглянулись: мыслимо ли за вечер, ночь, день на осевших стругах – на каждый пришлось по шестьдесят человек – да против течения одолеть трехдневный путь?

Святослав сказал:

– Сможете, всем по коню да кафтану да хмельного питья сколько поместится в брюхе, еды с княжеского стола... Не сможете, воротимся и поплывем опять.

– Сил не хватит грести не спавши, не евши, – посмели возразить князю разумные.

– А дружина на что? Грести сменами. Смена через каждую версту. Ночью смена через час.

Святослав устроился с Ярополком в крошечном закутке на носу. Сказал, глядя на парус:

– Ветер попутный! Помогай, Стрибог, помо...

И заснул на полуслове.

Ярополк потянул ноздрями воздух. Отец пропах степью, потом, солнцем. К веслам спешила следующая смена, и Святослав пробудился. Улыбнулся Ярополку:

– Заснул я, что ли?

– Заснул на единый миг.

– А мне этого довольно! – Окликнул гребца: – Варяжко! Изволь, брат. Уступи мне свой черед. Погребу, а ты княжича поучи, как по рекам ходить. Ему бы тоже погрести хорошо, да весла велики.

Варяжко сел на моток веревки...

– Что, княжич, любо на стругах ходить?

– Любо! – сказал Ярополк, поднимаясь.

Струг делал поворот, срезал пространство, прижимаясь к правому, высокому, берегу.

– От земли близко, но глубина здесь страшная, – объяснил Варяжко. – А на середине мелко. Ходить по рекам мудрено.

– А по морю?

– По морю мудреней мудреного, – улыбнулся Варяжко.

Зубы у него были белые, веселые, и глаза веселые, да с горчинкой.

– Ты хочешь на хазар идти? – спросил Ярополк.

– Я князю за деньги служу. Скажет, пошли на греков, пойду на греков. Скажет, пошли на хазар, пойду на хазар.

– А мы хазар победим?

– Князь Святослав пойдет, когда победа созреет, как яблоко.

– Мой отец – война, – сказал Ярополк.

Варяжко не согласился:

– Твой отец – победа. Бабушка твоя – вещая, отец твой – победа.

Ярополк промолчал. Если отец – победа, почему бабушка горюет, уступая княжеское место?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.